Без пистолета, без имени

Вячеслав Владимирович Маликов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дочь русского военного узурпаткомиссара сбегает в поствоенный Гонконг, а следом за ней направляется и её отец, чтобы найти её и вернуть домой.

Некогда красивый город после войны обнажил не самые лучшие стороны своей сущности — мафия, киберхулиганы, воры и просто равнодушные люди — всему этому вряд ли смогут противостоять две маленьких девочки, нашедшие приют у древнего старика. Особняком стоит маленький плюшевый медвежонок-робот, в чьё тело поместили кибермозг одного из самых одиозных и преданных Диктатору генералов Российской армии.

- Вячеслав Маликов

Вячеслав Маликов
Без пистолета, без имени

Владивосток, столица Российской территории Земли, международный аэропорт имени В.И.Ленина, 15 марта 2058 года, 10:03AM

— Сиди тихо и не дёргайся, — Настя пихнула кулачком розового плюшевого медвежонка, что лежал у неё на коленях, в бок и добавила:

— А то в багаж сдам.

— Сними с меня лямки, — ответил медвежонок, не пытаясь, однако, шевелиться. — Кольца у меня на спине не для этого! Мне надоело изображать из себя рюкзак…

— Всё, замолчи!

— Внимание! — по залу разнёсся мелодичный женский голос из динамиков, немного искажённый помехами и эхом. — Ко второй взлётной полосе подан аэробус рейса 372 «Владивосток — Гонконг». Всех, летящих этим рейсом, просим пройти ко второй проходной группе. Люди, ожидавшие этого самолёта, оживились. Вместе с ними поднялась со скамейки и Настя. Взяв в руки дорожную сумку и повесив на плечо маленький рюкзачок в виде плюшевого медведя, она встала в очередь у второй проходной группы. Работник таможни взял у неё паспорт и открыл его. Сверив лицо девочки с фотографией в паспорте, он спросил:

— Анастасия-Ленина Коммунистова?

— Да, — кивнула Настя.

— 13 лет?

— Угу.

— Летишь одна без провожатых?

— Меня встретят в Гонконге.

— Зарещённые предметы есть? Оружие, наркотики, незадекларированные инфоносители, мутагенные ДНК, самообучающиеся кибернетические устройства?

— Неа, — Настя помотала головой. Прямые русые волосы, едва касавшиеся Насте плеч, взметнулись колокольчиком.

— Проходи, — таможенник вернул девочке паспорт и обратился к стоявшему за Настей мужчине:

— Ваши документы?

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, международный аэропорт Гонконг, 15 марта 2058 года, 02:12PM

С трапа аэробуса спускались люди, прибывшие из столицы Российской территории Земли. Среди них по трапу спускалась худенькая девочка лет тринадцати с дорожной сумкой в руках и ранцем, выполненном в виде плюшевого медведя на плече.

Яркое солнце слепило глаза. Щурясь на залитое светом полотно взлётной полосы, Настя вместе со всеми остальными людьми прошла в здание аэротерминала. Через несколько минут она покинула территорию аэропорта. Одна.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, Тунг Чунг, городской рынок, 15 марта 2058 года, 05:32PM

Город Тунг Чунг, примыкающий с юга к аэропорту Гонконга, оказался не очень большим. Дорога, что вела из аэропорта в сам город Гонконг, проходила через Тунг Чунг. Не пострадавший во время войны Тунг Чунг, тем не менее, пребывал в запустении, несмотря на перенаселённость: вокруг была грязь, мусор, которые вкупе с жарой делали существование в городе невыносимым. Настя сглотнула, отирая пот со лба. Вокруг сновали люди, играла музыка и звучала чужая речь. Рынок жил своей обычной жизнью, но Насте это всё казалось непонятным наверное из-за того, что она приехала с другого конца Земли и подспудно ожидала чего-то необычного. Вокруг говорили на мандаринском и английском. Больше Настя языков различить не могла. Да и понимала она только английский из всей творившейся вокруг сумятицы. Ярко освещённые солнечным светом бесконечные лотки и боксы были завалены всевозможными предметами, которые торговцы стремились всучить проходящим мимо покупателям. Насколько Настя поняла из информационного фильма, показанного в самолёте во время полёта, Гонконг — это не просто город, независимый от континентального Китая, а небольшое государство с несколькими городами, главным из которых и самым большим был город Гонконг, состоящий из двух больших частей — северного города Коулуна, стоящего на материке, и южного города Гонконга, построенного на острове Гонконг и разделённых довольно широкой гаванью королевы Виктории. От местного аэропорта до самого города Гонконг шла широкая автострада протяжённостью в тридцать с лишним километров,

проходящая через два моста — Кап Шуи Мун и Тсинг Ма. Часть дороги от аэропорта до городка Тунг Чунг была разрушена во время войны при штурме аэропорта и сейчас на ней собирались вести восстановительные работы. А пока пассажиры вынуждены были нанимать лодки, чтобы морем добраться до ближайшего города, либо идти пешком три километра до Тунг Чунга и уже там пересаживаться на рейсовые автобусы или нанимать такси. У Насти было не так много денег, поэтому она дошла до Тунг Чунга пешком. Медведь, висевший у неё на спине, к счастью молчал, ибо шла Настя не одна, а с группой взрослых — так ей было спокойнее. В Тунг Чунге они потерялись на этом вот рынке и теперь Настя растеряно бродила между торговых боксов и думала как отсюда выйти. Спрашивать незнакомых ей не хотелось — это бы однозначно привлекло нездоровый интерес к ней. А это, как она знала из школьных уроков, в территориях Земли, где правят демократические правительства, может привести к очень неприятным для неё последствиям вплоть до смерти. Поэтому Настя кружила по рынку, не зная как поступить: спросить кого-нибудь или самой найти нужную дорогу и автобусную станцию.

— Не желаете приобрести отличный костюм? — кричали ей слева по-английски.

— Отличный вибронож! Специально для тебя, девочка, в полцены! — зазывали справа.

Настя втянула голову в плечи и упрямо шла вперёд, твёрдо решив самостоятельно найти выход из этого разворошенного муравейника.

— Hallow, little girl, — перед ней выросли чьи-то ноги в чёрных брюках свободного покроя и в чёрных сланцах. Подняв голову, Настя встретилась взглядом с улыбающимся незнакомым мужчиной. Лет ему было около тридцати, высокий, явно не азиат, а какая-то помесь непонятно кого с кем.

— Hi, — ответила Настя, сильнее сжимая ручки дорожной сумки. Незнакомец не вызывал у неё приятных ассоциаций. Опять какой-нибудь торговец, желающий продать ей какую-нибудь китайскую фигню.

— Почему ты одна ходишь по рынку? — спросил между тем мужчина.

— Я не одна. Я с родителями, — соврала Настя.

— Где же они? — продолжал допытываться незнакомец. Настя оглянулась, ища поддержки или повода слинять от этого неприятного типа.

— А… они на вон там, — показала она куда-то за спину мужчине и помахала рукой в ту сторону, улыбнувшись, словно кому-то знакомому.

— Никого не вижу, — улыбка мужчины стала ещё шире.

— А…

— Идём со мной. Ты, наверное, проголодалась? — он схватил её за руку и потащил куда-то в боковой проход между близко стоявшими боксами.

— Отпусти меня! — возмутилась Настя, почти вбегая за мужчиной, который крепко вцепился в её запястье, в проулок. Ей стало страшно.

— Слава, сделай что-нибудь! — закричала она по-русски.

— Что? А, иностранка! — обрадовался незнакомец.

— Слава?! — Настя обернулась на свой рюкзак.

— Да заткнись ты, никто тебя не услышит! — мужчина влепил Насте тяжёлую пощёчину, от которой её дёрнуло как тряпичную куклу и резкая хлёсткая боль обожгла лицо.

— А? — ошалело воскликнула она, рефлекторно хватаясь за щеку.

— Будешь орать, получишь ещё! — пригрозил мужчина. — Дай сюда сумку, она тебе мешает!

Толкнув её спиной на железную стенку бокса, он отобрал у неё сумку и небрежно бросил её рядом. Потом потянулся к её курточке.

— Hey, you? — окликнул его кто-то за спиной.

— What now? — недовольно скривился он, оборачиваясь. И тут же присел, получив удар в пах.

— О…, — задохнулся он.

— Bastard! — второй удар пришёлся ему в нос. В стороны брызнула кровь. Человек упал на спину, корчась от боли.

— C'mon, run! — пребывающая в прострации Настя не поняла кто схватил её за руку и потащил из проулка.

— My bag! — только и вымолвила она.

— Damn! — сумку схватили и вновь потащили Настю куда-то прочь.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, к северу от Тунг Чунг, берег залива Урмстон Роад, 15 марта 2058 года, 06:40PM

— Дура ты, самая настоящая, — перед сидящей на траве Настей вышагивала девчонка в чёрном спортивном костюме и белых кроссовках. На голове у неё был полный кавардак в панковском стиле: во все стороны торчали смоляные иглы лакированных волос.

— Как ты могла так по-глупому попасть?

— Ну я…, — начала Настя.

— Где твои родители? Почему одна ходишь по рынку?

— Я одна здесь.

— Как одна? Ты же прилетела на самолёте, да? — удивилась девочка. На вид она была старше, чем Настя, года на два. Она стояла уперев руки в бока, широко расставив ноги. Позади неё змеилось широкое разбитое полотно дороги, ведущей из аэропорта в Гонконг, за дорогой в полукилометре виднелись дома Тунг Чунга, откуда они вместе ушли в полном молчании.

— Я одна прилетела. У меня международный паспорт нового образца.

— Чёрт! Я думала… Впрочем, не важно. Ты откуда?

— Из России.

— Ясно. Забавный акцент. Привыкла к диктатуре и тут потерялась?

— Что значит привыкла к диктатуре? — возмутилась Настя. — Что ты имеешь ввиду?

— А, забей, — отмахнулась девочка, успокоившись. Присев перед Настей на корточки, она несколько секунд молча разглядывала её лицо, отчего Коммунистова почувствовала себя неуютно, а потом резко протянула ей руку:

— Ишика.

— Настя, — Коммунистова пожала предложенную руку.

— Очень приятно. Ты одна здесь?

— Да.

— Почему? Впрочем, не важно. Есть куда идти?

— Неа, — помотала Коммунистова головой.

— А зачем ты сюда приехала?

— Чтобы не быть дома.

— Не понятно, ну да фиг с ним. Думаю, дядя Шань будет не против ещё одной заблудшей души.

— Кто такой дядя Шань?

— Мой дядя… приёмный. Ты что собираешься делать сейчас?

— Я…

— Где жить будешь? На что? У кого?

— Э…

— Могу предложить пойти ко мне. Ты не выглядишь уверенной в своём завтрашнем дне. Да и в сегодняшнем ты не очень-то уверена…

— Почему ты так думаешь? — обиделась Настя.

— А в чём ты на сегодня уверена?

— Ну…, — Настя хотела замять вопрос, но Ишика ждала и Коммунистова ответила:

— Я уверена, что доживу до утра…

— Верно, — злорадно усмехнулась Ишика. — Но жить наутро ты уже не захочешь.

— Почему?

— А зачем, ты думаешь, тебя тот урод раздевать собирался? — заметив смятение на лице Насти, Ишика устало вздохнула, словно возилась с маленьким ребёнком:

— Ладно, идём. До дому ещё далеко, а уже седьмой час.

— А где ты живёшь?

— Дискавери Бэй. Небольшое поселение к юго-востоку отсюда.

— Далеко?

— Километров семь по прямой.

— Пешком?

— Поймаем попутку, — пожала плечами Ишика. Подав руку, она помогла Насте подняться с земли и сказала по-русски:

— Кстати, можешь говорить на русском. Я его знаю.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 15 марта 2058 года, 09:10PM

— Дядя Шань! — Ишика махала руками, подпрыгивая на месте, но человек в лодке, скрывающейся в туманной и тёмной закатной дали, не услышал её. Вокруг кружили, покрикивая, чайки. Отчаявшись привлечь внимание дяди, Ишика опустила руки и повернулась к Насте:

— Вот что за чёрт? Два раза из-за тебя сегодня бить людей пришлось. И ещё не успела дяде Шаню ужин приготовить перед отплытием…

— А куда он плывёт? — Настя чувствовала себя очень плохо: эта девочка снова помогла ей, когда водитель грузовика, что подвозил их, вздумал пристать к ней. Ишика вцепилась в дядьку как бешенная кошка. В узком пространстве кабины это было просто страшно. Вытянувшись во всю кабину, она пинала его ногами в живот и лицо, пока он пытался закрываться и рулить, а руками дёргала ручку двери, чтобы сбежать.

— На рыбалку, куда же ещё? Идём в дом, чего стоять-пялиться? Дом дяди Шаня стоял на окраине Дискавери Бэй. Небольшой двухэтажный деревянный коттедж, потемневший от времени и дождей, был немного мрачноват.

— Знаю, его надо бы покрасить, — словно оправдываясь сказала Ишика, когда Настя замерла перед входом, молча глядя снизу вверх на дом. — Но нет краски, а она дорогая. Да и дядя

Шань говорит, что дерево нельзя красить — оно тоже хочет дышать… И видела бы ты, как тут всё было плохо, пока я не взялась за него! – вдруг обиженно воскликнула Ишика и быстро вошла внутрь, не глядя, идёт ли за ней эта русская девочка, или нет. Внутри было очень уютно. Просторный холл с камином был обставлен просто, но со вкусом. Минимализм дальнего востока, воплощённый в деревянной мебели, картины акварелью на бумаге, развешанные по стенам — всё было мило и по-домашнему.

— Красиво тут, — похвалила Настя, робко теребя лямки своей сумки.

— А, бросай сумку, я покажу тебе дом! — Ишика потянула Настю за руку за собой. Её настроение вновь мгновенно сменилось.

— На первом этаже у нас гостиная, кухня, столовая и пара комнат для чего угодно. На втором — четыре комнаты, в общем-то спальни. В одной сплю я, в другой — дядя Шань, а в двух других всё завалено. Есть ещё чердак, но туда лучше не соваться — там полно хлама и можно разбиться. Настя практически пролетела весь дом за своей новой подругой, которая цепко держала её за руку. Лишь мельком окинув взглядом комнаты, Настя замерла там же, откуда они и начали осмотр дома.

— Ну как? — с вопросом глядя на Коммунистову, спросила Ишика, хлопая чёрными длинными ресницами.

— Классно, — похвалила Настя, часто закивав головой.

— Мне тоже нравится, — улыбнулась Ишика. — Идём на кухню — будем готовить себе ужин.

Российская территория Земли, Находка, пригород, дом Коммунистовых, 15 марта 2058 года, 10:20AM

— Как думаешь, она вернётся? — отвернувшись от окна, белый тряпичный пудель посмотрел на куклу в мини-юбке. Кукла сидела, свесив ноги с подоконника, спиной к пуделю. Рядом с ней сидел кислотно-зелёный заяц и с кислой миной обозревал комнату. Было уже темно. В окне, с которого отлично обозревался сад в светлое время суток, не было видно ничего. Со второго этажа не было видно даже часовых, стоявших под карнизом внизу.

— Не думаю, — покачала головой кукла, поправляя юбку.

— Почему?

— А она со Славой в саду накануне долго шепталась. Видимо, они что-то серьёзное задумали…

— А почему ты этого чекистам не сказала? — удивился заяц, подняв голову на соседку, отчего его длинные уши качнулись и одна скользнула по груди куклы.

— Нахал! — возмутилась она. Отодвинувшись в сторону, она ответила:

— Потому что она хотела убежать — пусть убегает. Я не стукачка, сдавать не буду!

— Какая ты, Алиса, классная! — восхитился пудель.

— Да уж…

— Моя фея! — закатил глазки заяц, вновь тряхнув головой и вновь попав Алисе плюшевым ухом по груди.

— Я тебя! — Алиса толкнула зайца в спину и он свалился на пол.

— Девочки и мальчики, тише! — пудель подошёл к краю подоконника и посмотрел вниз. Рядом с ним, стоя на четвереньках, вниз смотрела Алиса.

— Со мной всё в порядке, — заяц лежал на ковре на спине, раскинув все свои конечности и уши в стороны.

— Так тебе и надо! — фыркнула кукла, вставая и одёргивая юбку.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 15 марта 2058 года, 11:06PM

— А где мне спать? — спросила Настя, когда они помыли посуду. Её постоянно тянуло зевать. Девочки сидели в гостиной на циновках, в камине весело плясало пламя, давая тепло. Перед Ишикой и Настей стояли кружки с горячим чаем и фарфоровый чайник, носик которого курился слабоватым паром.

— М… Вообще-то кроватей в доме всего две… У меня и у дяди Шаня.

— А…, — начала Настя, но Ишика её перебила:

— У меня она широкая, ты поместишься.

— А ты сама как же?

— Думаешь, я уйду на пол спать? — засмеялась Ишика, видя растерянность на лице русской девочки. — Мы же поместимся вместе?

— Конечно, — кивнула Настя.

— Вот ещё! — проворчал низкий голос от дверей. Ишика вздрогнула, подпрыгнув на месте:

— Кто это? — на неё от двери топал рюкзак-медведь Насти, тяжело переставляя свои плюшевые ножки. Позади медведя по

полу тащились лямки, словно стропы потерянного парашюта.

— Ой, медвежонок! — облегчённо и обрадованно воскликнула Ишика. Её глаза загорелись интересом. — Плюшевый!

— Я не медвежонок, тем более не плюшевый, — недовольно пробасила рассерженная розовая игрушка. — Я командовал дивизией, когда ты под стол пешком ходила, девочка!

— Ого! — Ишика повернулась к Насте. — Он это серьёзно?

— Угу. Его мозги взяты от боевого пехотного робота.

— Обалдеть! — Восторгу Ишики не было предела. — А можно его потрогать? — она испуганно потянулась к медведю.

— Но-но! — тот сделал шаг назад, протестующе вздевая передние лапы вверх, но Ишика поймала его, и, взяв на руки, начала его щупать.

— Ай! Щекотно!

— Ой какой миленький! — обрадовалась Ишика.

— Эй, поосторожнее! Ты меня за кого принимаешь? — возмутился медведь, пытаясь отпихнуть от себя Ишику.

— А как его зовут? — спросила та у Насти.

— Слава.

— Очень приятно. А меня — Ишикава. Или просто Ишика, — девочка улыбнулась медвежонку. Тот хмуро глянул на неё, но вырываться перестал. Помолчав несколько секунд, он спросил:

— Может поставишь меня на пол?

— О, конечно, — она осторожно поднесла его к полу, и подождала, пока Слава встанет на задние лапы.

— Ты, наверное, очень богатая, раз у тебя такая игрушка…, — заметила Ишика.

— Неа, — помотала головой Настя-Ленина. Медведь в это время возмущённо пробасил: «Кто это тут игрушка!?», но на него никто внимания не обратил. — Мне его папин друг подарил.

— Всё равно… Настоящий робот-игрушка…, — Ишика вздохнула, а потом спросила:

— Идём умываться и спать?

— А умываться вы в одну ванную пойдёте? — испытывающим голосом спросил плюшевый медвежонок, вставая между девочками. Росту в нём было от силы полметра, поэтому и Ишика и Настя наклонили головы, чтобы видеть его.

— Конечно, — кивнула Ишика. — И одновременно. А что?

— Не обращай внимания: у него бывает паранойя, — отмахнулась Настя.

— А, ну тогда ничего. Идём.

Российская территория Земли, Находка, пригород, летняя резиденция Диктатора, 16 марта 2058 года, 07:22AM

— Как такое могло произойти!? — Диктатор хмуро обвёл взглядом собравшихся. Никто глаз не опустил, но все чувствовали себя неловко. Помолчав и испытующе оглядев своих соратников, Диктатор добавил:

— Вы хоть понимаете, чем это грозит? Просторное помещение занимал лишь один узкий прямоугольный стол, во главе которого сидел сам Диктатор, а по обе стороны стола — восемь его товарищей. Окна были занавешены тяжёлыми плотными пуленепробиваемыми портьерами из эластичного броневолокна. В зале царил полумрак, освещаемый горящим камином, около которого лежала аккуратная поленица о десяток берёзовых брёвен.

— Олег Дмитриевич?

— Да, Прохор Пантелеевич? — Диктатор кивнул Коммунистову — своему соратнику, узурпаткомиссару военного ведомства.

— Думаю, главная вина на мне — я не смог предугадать, что моя дочь решит сбежать из дома.

— Ты мне лучше объясни, Прохор Пантелеевич, почему она это сделала? Зачем утащила с собой Славу? Она разве не понимает, что она — самый лакомый заложник для врагов России?

— Олег Дмитриевич, закидали вопросами Прохора Пантелеевича, — укоризненно покачал головой Матвей Инокентич, сидевший по правую руку от Диктатора Беднякова.

— Так пущай отвечает! — со злобой ударил Диктатор по столу.

— И отвечу! — в ответ хватил по столу Коммунистов, вставая со стула.

— Садись, — приказал Бедняков, зло посмотрев снизу вверх на военного узурпаткомиссара.

— Ты понимаешь, Прохор, что я не смогу дать девочке умереть, если её захватят террористы или любая военная армия. Как и в предыдущие тысячелетия, наша страна ненавидима всеми, хотя и победила. Наверное, потому и ненавидима, что всегда мы побеждаем. Но сейчас другие времена, не Наполеоновские. Ядерное, химическое или биологическое оружие распространено по Земле, словно вода. И времена чести давно прошли. Сейчас солдаты носят не яркие пёстрые мундиры и не зелёную защитную форму, а хамелеон-комбинезоны и чёрные маски. С ними воевать трудно. Понимаешь? А наши семьи —

самое уязвимое место нашей страны. Понимаешь?

— Понимаю, Диктатор.

— Хорошо. Отвечать будешь?

— Буду, — кивнул Прохор Коммунистов. Сидевший по левую руку от него узурпаткомиссар по вопросам коммуникаций и электроники, подал ему стакан с минеральной водой. Прохор сделал глоток и ответил:

— Сбежала она, потому как считает, что я плохой.

— Почему? — резко переспросил Диктатор.

— Из-за Чистилища, — просто и кратко ответил Коммунистов.

— Как дитя малое…

— Ну не понимает она ещё всех планов Диктата, — попытался оправдать дочь узурпаткомиссар.

— А ей и не надо понимать наших планов! Ей надо верить отцу! Тебе! — Диктатор ткнул пальцем в сидящего слева от него узурпаткомиссара.

— Трудно мне, — устало и тихо ответил Прохор. — Трудно растить одному дочь, когда меня самого не бывало в последнее время дома неделями.

— Ты жалуешься? — удивился Диктатор. — Кто-то виноват за тебя? Хотел бы время провести с дочерью, передал бы дела заместителям и проводил его с семьёй! Тебе интерактивной системы контроля за делами не хватает? Или чего? Так! — Диктатор обвёл взглядом собравшихся. — Нужно время на семьи — берите это время! Самая дорогая валюта этого мира — это время! Самые дорогие вещи… нет, не вещи, не знаю как сказать, но самые дорогие наши приобретения в этом мире — это близкие нам люди! Они выше и ценнее всего. И нашей высшей валюты — времени, и самого нашего дорого дома — Родины! О Родине всегда найдётся кому позаботиться, есть кому подставить вам плечо в этом деле. А с близкими людьми такое не проканает! Никто не подставит вам плечо, когда вы в ссоре с самыми близкими и родными людьми! Всем ясно? Я ясно расставил акценты? Все закивали, одобрительно угукая. Бедняков повернул лицо к Коммунистову:

— Остальные мои вопросы?

— Медведя она взяла, потому что это её любимая игрушка и ближайший друг.

— А ничего, что он хранит в своей памяти коды к 75 поцентам запусков?

— Она этого не знает…

— Мы можем сменить коды ко всем запускам, — предложил узурпаткоммисар по вопросам коммуникаций и электроники.

— Долго и нудно. Думаю, команда уже дана?

— Ваша правда, Диктатор, — кивнул узурпаткомиссар Хлестов, невысокий и плотненький выходец из Сибири. — Уже меняем.

— Хоть в этом успеваем. А что делать с картами штабов, которые хранятся там же? В памяти Славы? Заменим всю планету?

— С этим никак. Базы, коммуникации и магистрали мы не сможем передвинуть, — покачал головой Коммунистов.

— Вот-вот. Третий вопрос?

— Понимает, конечно, что она хорошая мишень. Но она цель для врагов Диктата, а его она не любит, раз не любит меня, олицетворение оного для неё.

— Слушай, Прохор Пантелеевич, — Диктатор сощурил глаза. — Я тебя расстреляю.

Я тебе серьёзно это говорю. Мы тут убиваемся, строим на руинах страну, Родину! А ты с дочерью наладить отношения не можешь. Какой же ты узурпаткомиссар, если у тебя дома не всё в порядке? И эти твои личные проблемы создают проблемы нам всем — всей стране.

— Я верну её! — вскинул голову Коммунистов.

— Как же, отпустить тебя во враждебную страну? Чтобы из тебя там все секреты Диктата выпытали наркотиками? Я отправлю туда чекистов. Взвод.

— Много, Олег Дмитриевич, — возразил Матвей Инокентич.

— Самое то, — отрезал Диктатор.

— Нельзя чекистов, — отрицательно помотал головой Прохор.

— Почему это?

— Она опять сбежит. Нельзя её силой домой ворочать.

— А что ты предлагаешь? Я не могу тебя послать…

— Только я могу её вернуть. Раз и навсегда, — объяснил Прохор. — Поговорив и убедив.

— Мы можем стереть ему память и заслать как «стёртого» агента. Он будет знать что ему надо найти конкретную девочку и всё. Его брать будет бесполезно — у врага нет нужного оборудования, чтобы вернуть ему память, буде он взят до того, как найдёт свою дочь, — предложил узурпаткомиссар комиссариата труда Хохликов.

— А когда найдёт? Смысл его посылать такого, если он дочь не узнает. Чем это лучше взвода чекистов?

— А когда найдёт, сработает подсознательная программа, которая вернёт ему память.

— Всё равно не понимаю, — пожал плечами Диктатор.

— Таким образом он её сам найдёт и ему вернётся тут же память и он сможет всё с ней обсудить и уговорить.

— Ну а на обратном пути его возьмут враги? Когда уже память к нему вернётся? — задал вопрос узурпаткомиссар Хлестов.

— А вот тут-то и вступают в игру чекисты. Взвод чекистов, — закончил с улыбкой Хохликов.

— А почему чекистам её не найти и не привести к отцу, чтобы он поговорил?

— Это будет в глазах девочки нечестным, и она и слушать не станет отца. Так как, Олег Дмитриевич?

— Звучит как-то заумно, но, в целом, одобряю, — медленно согласился Диктатор.

— Прохор Пантелеевич, ты как?

— Согласен, Олег Дмитриевич.

— А что у нас там с обстановкой в этом Гонконге-то? — Диктатор обратился к собравшимся. — Куда я посылаю своего комиссара?

— Территория подконтрольна нам, как и все остальные территории. На временной основе там размещён иракский пехотный полк Навухудоносор и немецкая танковая дивизия Гиммлер. Небо прикрывает космическая платформа Делавар, до войны подконтрольная силам НАТО, — доложил Коммунистов. — Чекистов там наших нет. Связь вооружённых сил со Ставкой — с нами — поддерживает майор ВМФ России Пеплодуев.

— Отлично. А сами Гонконгские силы где?

— Пехотные соединения разбросаны по Африке и Южной Америке, два механизированных корпуса — в Казахстане и Нидерландах соответственно. Воздушных сил у них к концу войны не осталось, оборону держали Королевские ВВС Великобритании, но они относятся к Европейской территории и в данном случае не учитываются.

— Хорошо мы их потасовали, — усмехнулся Диктатор. В ответ с улыбками закивали все узурпаткомиссары кроме Коммунистова — воспоминания годовой давности, когда весь мир был поставлен перед фактом перемещения войсковых частей проигравших сторон в другие страны. И пришлось ведь перемещать — куда деваться?

— В общем, я думаю, Прохор Пантелеевич, ты справишься.

— Справлюсь, Олег Дмитриевич!

— И медведя верни! — Диктатор показал Коммунистову кулак. — А не то расстреляю. И поделом будет.

— Согласен, — кивнул узурпаткомиссар Коммунистов.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 16 марта 2058 года, 08:13AM

— Дядя Шань, — Ишика сидела на циновке справа от пожилого худощавого китайца с короткими седыми волосами и гладко выбритым подбородком. — Позволь тебе представить мою новую подругу Настю.

Они собрались вокруг маленького и низенького столика, на который Ишика подала завтрак — печёный хлеб с джемом и маслом, ломтиками нарезанное мясо, кофе и сок. В центре сидел дядя Шань, напротив него — Настя, а рядом — Ишикава. Ишика говорила со своим дядей по-китайски, так что Настя могла только догадываться, о чём она звонко щебечет и о чём медленно и низко отвечает этот старый китаец с каменным непроницаемым лицом. Было страшно сидеть перед ним, но деваться было некуда — надо было знакомиться с хозяином дома, где её приютили.

— Дядя Шань очень рад, что ты почтила его скромный дом и согласна пожить в нём. Ты оказываешь ему огромную честь, — наконец Ишика перевела одну длинную тираду китайца Насте-Ленине. Пожилой Шань поклонился Коммунистовой, когда Ишика закончила переводить.

— Он правда рад? — спросила Настя.

— Да, рад. Ему одному одиноко здесь. Я радую его своим присутствием — ему есть о ком заботиться и есть смысл что-то делать в этом мире. С твоим появлением он рад ещё больше.

— Э… А почему он не наприглашает сюда всяких людей? — предложила Настя. Ишика улыбнулась, сказала что-то по-китайски дяде и они вместе рассмеялись.

— Что? — не поняла Коммунистова.

— Я перевела ему твои слова. Он в восторге от твоей шутки.

— Но я серьёзно…, — растерялась Настя.

— Он понимает, — кивнула Ишикава. — Ты сама просто не понимаешь, что говоришь. Дядя Шань не хочет приглашать быть рядом с ним кого угодно. Он слишком сильно не доверяет людям — по его мнению, большинство людей не заслуживают даже взгляда окружающих.

— Это комплимент? — окончательно запуталась Настя.

— Можешь считать это комплиментом, — согласилась Ишика. — Но дядя Шань никогда не хвалит ни за что. В общем, если вкратце: ты ему понравилась, можешь оставаться сколько хочешь у нас. Будешь мне помогать по дому — классно!

— Спасибо, дядя Шань, — то ли кивнула, то ли поклонилась Настя чудаковатому на её взгляд китайцу. Тот церемонно поклонился в ответ, низко склонив голову.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, международный аэропорт Гонконг, 17 марта 2058 года, 04:27PM

С трапа аэробуса медленно спускался высокий человек с тёмно-русыми волосами, подстриженными под армейский бокс. Из одежды на нём были лишь чёрные брюки, рубашка и ботинки. Из вещей — солнцезащитные очки и толстый бумажник, набитый кредитными карточками и банкнотами. В бумажнике так же можно было бы увидеть цветную фотографию тринадцатилетней девочки. Ещё в кармане брюк лежал брелок в форме кольца, с которого свисало девять обрывков цепочек разной длины и размера. На брелоке болтался единственный ключ в виде углепластикового прямоугольника со множеством миниатюрных отверстий. На таможне у человека проблем не возникло: паспорт международного образца, выданный на непонятную и никогда не существовавшую фамилию, легко открыл двери в Гонконг. Человека не интересовало, какое имя написано в предъявляемом им самим паспорте — его мало что интересовало и волновало. Он знал только одно: ему нужно найти девочку, чья фотография хранилась в отдельном отсеке его портмоне. Больше ничего.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 22 марта 2058 года, 05:45PM

— Ух…, — Ишика тяжело плюхнулась на стул, уронив голову на столешницу письменного стола. Следом за ней в комнату поднялась Настя. Поставив на пол Славу, она оглянулась вокруг. Сквозь зашторенные окна пробивался свет, кровать представляла собой ворох смятых простыней, одеял и подушек. В общем, здесь всё было как обычно.

— Пыльно тут, — проворчал плюшевый медвежонок, косолапо вышагивая по дереву пола.

— Возьми да протри пыль, — огрызнулась Ишика, поднимая голову. Но посмотрела она не на кибернетического медведя, а на Настю:

— Есть идея, чем заняться этиим вечером. Ты как?

— Почему бы и нет? — пожала плечами Настя.

— Ты бы сперва узнала что за идея, прежде чем

соглашаться, — медведь уселся на пол в квадрат солнечного света, пробивавшегося сквозь шторы, смешно плюхнувшись на попу.

— Зануда, — Ишика показала Славе язык.

— Он такой, — кивнула Настя. — А что мы будем делать?

— Сперва мы переоденемся, — Ишика, словно забыла про усталость, резво бросилась к платяному шкафу, на ходу стягивая с себя мастерку. Замерев перед открытыми створками шкафа, она сняла спортивные штаны, оставшись в нижнем белье. Сунув обе руки в гору одежды, она обернулась на подругу:

— А вот тебя мы будем переодевать особенно тщательно.

— Почему? — удивилась Настя-Ленина.

— Да потому что ты одета непонятно во что! — категорично заявила Ишика, возвращаясь к перебиранию разноцветных тряпочек.

— Разве? — Настя опустила голову вниз, разглядывая себя. На ней были голубые джинсовые брючки, белая майка с длинным рукавом и белые кроссовки немецкой фирмы «Адидас».

— Конечно! Разве красивенькие девочки так ходят? — Ишика переодевала нижнее бельё, меняя его с повседневного белого на чёрно-красное атласное. Медведь Слава сидел в это время лицом к ней, закрыв глаза передними лапами, чтобы не подглядывать.

— А как ходят красивые девочки? — осторожно спросила Настя.

— Она тебя сейчас научит, — пробубнил медвежонок, продолжая закрывать лицо мохнатыми лапами.

— Во-первых, снимай с себя этот приличный прикид. Цивильный видок ни к чему вечером. Хорошо хоть у нас с тобой размер один — не надо париться с этим, — Ишикава выдернула из лежащей перед ней кучи одежды небесно-голубые бриджи и бросила их Насте:

— Одевай!

Сама Ишика взяла с полки пояс с хвостиком длиной в метр и задумчиво покрутила его в руках:

— Ты знаешь что это?

— Пояс? — неуверенно предположила Настя.

— Пояс, — согласилась Ишика, — но не простой, а нейротический.

— Какой-какой? — переспросил медвежонок, отнимая лапы от глаз. Перед ним стояла Ишика в нижнем белье. Ойкнув, медведь снова закрылся лапами.

— Странный он у тебя, — заметила Ишика Насте. — Голых девочек боится…

— Нормальный. У него видеоканал просто пишется в память,

а его потом могут просмотреть взрослые мужчины. Вот он и закрывается, чтобы потом не показывать детское порно кому-то.

— Всё верно, — подтвердил Слава.

— Ой какой правильный робот…, — фыркнула Ишика.

— А что с поясом? — напомнила Настя-Ленина.

— Этот пояс реагирует на эмоции того, кто его носит. Вот смотри! — Ишика нацепила пояс, застегнув застёжку. Потом она повернулась спиной к Насте, выпятив попу и полуобернувшись, чтобы видеть и самой, что будет происходить. Секунды четыре не происходило ничего. Потом хвостик, до этого безвольно висевший вдоль ног Ишики, дёрнулся, метнувшись заострённым кончиком.

— Ага! Ожил! — обрадовалась Ишика. А потом пояснила:

— У него питание от термопар, вмонтированных в пояс. Пока не зарядился от моего тепла, не шевелился. А теперь смотри! — Ишика отвернулась от Насти. Через мгновение хвостик резко взметнулся вверх как у возбуждённой чем-то кошки. Ишика обернулась, показав безумные глаза и улыбку. Потом она тряхнула головой, спокойно улыбнулась и хвостик успокоился, медленно опав.

— Прикольно? — поинтересовалась Ишикава.

— Ага, — кивнула Настя, приоткрыв рот от удивления.

— Ещё прикол, — Ишика захлопала глазками, сделав губки бантиком и отвернулась, чтобы подруге было хорошо видно хвостик. Он игриво заплясал в воздухе, вырисовывая кончиком круги и завитушки.

— А если я буду злится, он начнёт хлестать меня по ногам, — похвасталась Ишика.

— Прикольная вещица, — согласилась Настя Коммунистова.

— Дети, вам рано носить такие вещи, — заметил медведь, не отнимая лап от своей бело-розовой мордочки.

— Отстань, зануда, — буднично ответила Ишика. — Пожалуй я прикину хвостик с короткой юбочкой, — она одела чёрную юбку, из под которой теперь свисал, чуть подрагивая, красный хвостик, заострённый на манер чёртового.

— А как он понимает твои эмоции?

— Ну… Надо сперва его долго учить под себя, а вообще он просто считывает пульс, давление и тембр голоса того, кто его носит. Плюс он как-то воспринимает мимику лица, суммируя токи в лицевых мышцах. Не спрашивай как он это делает, — Ишика поспешила предупредить возможные дальнейшие расспросы:

— Я не знаю. Мне как-то рассказывали просто, но я не всё помню.

— Ясно.

— У меня ещё есть крылышки такие же, — Ишика ткнула пальчиком на дверцу шкафа, на котором на гвоздике в окружении различных поясов висело два миниатюрных крылышка, покрытых белыми пёрышками.

— Ух ты! — восхитилась Настя. — А они машут?

— Да, но они не для полётов. Тоже нейротические, как и хвостик. Всего лишь дополнительный способ выразить свои эмоции…, — Ишика погладила крылья. — Я бы тебе их дала, но их надо под тебя настраивать. В другой раз, хорошо?

— Хорошо.

— И, кстати, почему ты ещё в джинсах? Одевай бриджи! А я пока найду тебе кофточку…

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 22 марта 2058 года, 07:10PM

Жара постепенно спадала, было хорошо. С залива дул лёгкий прохладный ветерок, словно извиняясь за знойный полдень. На городском пляже никого не было, если не считать вездесущих чаек. Южнее же пляжа на поляну вышли две девочки, держась за руки. Ишика, одетая во всё чёрное — юбку, майку без рукавов, колготы и туфли – казалось настоящим исчадием ада, особенно из-за одной бросающейся в глаза детали вечернего туалета: мелко подрагивающего, и грозящегося задрать короткую юбку выше дозволенной высоты, хвостика. Настя, упакованная стараниями подруги в голубые бриджи, синюю майку с надписью «I hate Narco Police» во всю грудь и белые кроссовки с алыми звёздами на внешних сторонах бот, смущённо жалась к Ишикаве, оглядываясь по сторонам. У самой кромки воды, рядом с разрушенным двухэтажным кирпичным зданием скучала группа молодых мужчин, рассредоточившись по площадке перед домом, у стены которого выстроились в идеальный ряд шесть мощных мотоциклов.

— Эй, Ишика! — приветственно замахал рукой один из мужчин, когда девочки показались в поле зрения группы мотоциклистов. Затем он добавил что-то ещё по-китайски, чего Настя-Ленина не поняла.

— Ага! — Ишика помахала в ответ. От байкеров, которые заметно оживились с появлением Ишики и Насти, девочек отделяло метров тридцать.

— Погоди, — Ишика остановилась. — Давай я тебе их

представлю, пока мы не подошли ближе…

— Почему? — удивилась Настя.

— Так надо, — отрезала Ишика и показала пальцем на высокого черноволосого китайца, который перед этим махал Ишике:

— Это — Ченг Лунь, главарь банды байкеров «Вампиры». Улыбчивая сволочь, умный как Советская энциклопедия и дерётся хорошо. Ему двадцать пять лет. Дальше…, — Ишика перевела свой указующий перст на кудрявого парня, который оседлал упавший бетонный фонарный столб и что-то там теребил в руках — то ли сотку, то ли рацию. — Это — Джамиль, капрал иракских ВС из пехотного полка Навуходоносор. Из того самого, который прибыл сюда, когда войска мира перетасовали после войны. В свободное от военных обязанностей время тусует с байкерами, с которыми познакомился в Каулуне — северном материковом Гонконге. Ему двадцать лет — совсем ещё зелёный. Дальше… Андрей Ксинг. Он китаец, не смотри на его имя. Просто его родители так любили русскую поэзию, что сына назвали в честь какого-то там поэта древности. Ему двадцать три года. Очень набожен, верит в Матрицу. Является адептом какого-то там уровня этой религии, считает окружающий мир иллюзией, матрицей. Ему наплевать на мир и населяющих его людей, так что будь с ним осторожна. Хрен его знает, что у него на уме. Потом… Вон тот невысокий толстяк, что присел около мотоцикла — это Бунь Джан Ли. Он китаец, ему двадцать два года недавно стукнуло. Байкер из него хреноват, но хакер он превосходный. М…, — Ишика запнулась, её хвостик заметался из стороны в сторону, хлестнув рядом стоящую Настю по бедру. — Вон тот китаец — это Пхун Дзишунг. Хороший стрелок и подрывник. Главный по стволам у «Вампиров». Держись от него подальше — бабник и сволочь. А вон тот дядька — это Роберт Аллой. Он полуангличанин-полукитаец, коренной гонконгец. Знает город как свои пять пальцев. Наркоман, каких свет не видывал. У Ченг Луня он за медика, постоянно таскается с коробкой всяких таблеток и химикатов. И хотя он самый старый из них — ему около сорока — силы в нём на троих. Может как раз из-за каких-нибудь травок и порошков, которые он постоянно глотает, — Ишика захихикала, глядя на Настю. — А теперь идём к ним, я тебя им представлю…

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 22 марта 2058 года, 09:32PM

Дорога в сам город Гонконг шла из Дискавери Бэй через мост Тсунг Ма, а потом по берегу на восток — в северную часть Гонконга — Каулун-сити. На юго-западе которого стояли доки. Через пролив королевы Виктории на Настю поглядывали огоньки части островного Гонконга — района Кеннеди-таун, ярко поблескивая на неспокойных волнах. Через пролив нескончаемым потоком шли самые разные корабли: от деревянных лодочек и до тяжело гружённых танкеров и сухогрузов.

— Клёва? — спросила её Ишика, подходя к парапету, о который ударяли тяжёлые океанские волны.

— Нет слов! — восхищённо всплеснула руками Настя-Ленина.

— Вода как вода, — буркнул Слава, болтаясь на её плече. — У нас на Дальнем Востоке намного красивее…

— Идём, пора ехать! — Ишика перекричала протяжный гудок тяжело осевшего танкера, который шёл через фарватер, направляемый траулером.

— Ага! — Настя вернулась к стоявшим на обочине байкерам и забралась на мотоцикл позади Джамиля. Иракский солдат ей не нравился, потому что был арабом, но китайцы вообще не вызывали у неё доверия: один — наркоман, другой — бабник, третий — так вообще матричник, четвёртый — на байке плохо держится, ещё угробит и себя и её. Пришлось к Джамилю на байк лезть, хотя своими тёмными мыслями она ни с кем не поделилась. Вот Ишике повезло — её сам Ченг Лунь катает. С ним бы ещё можно было бы на один байк залезть…

— Едем! — Ченг Лунь сказал по-китайски, но Настя уже выучила это слово. Насколько она поняла, сейчас они ехали в какой-то заброшенный квартал Гонконга, где остались остатки довоенной глобальной информационной сети, в которую «Вампиры» хотели залезть, что бы что-то там выкрасть. Легко миновав малолюдные улицы, сильно пострадавшие во время бомбардировок в последней войне, когда Гонконг служил натовским силам опорной военной базой в северной части Индийского океана, вереница мотоциклов проникла в совсем нежилые кварталы, на улицах которых Настя не видела ни одного пешехода или машины. Предупреждающие знаки, висевшие на въезде в мёртвые кварталы, просили воздержаться от прогулок в данной части города. Байкеры молча проигнорировали их, не сбавляя скорости. Через некоторое время они остановились во дворе, окружённом несколькими зданиями. Раньше здесь был разбит парк с фонтаном, теперь же вся растительность одичала, и, ломая асфальт и бетон, стремилась захватить всё свободное и несвободное пространство вокруг. Ишика и Настя стояли перед

расколотой чашей фонтана, сухой и безжизненной, увитой подобием плюща. Байкеры чуть поодаль что-то обсуждали вполголоса.

— Они ищут точку входа в осколок Старой Сети, — пояснила Ишика. — Ты пойдёшь с нами в Сеть?

— А это как?

— Надеваешь нейрошлем и вперёд под звуки вальса, — улыбнулась Иника. — Не бойся, это не опасно.

— Я не боюсь, — честно ответила Настя.

— На твоём месте я бы боялся, — заметил Слава, продолжая свисать с Настиного плеча.

— Тогда идём, — Ишикава протянула ладонь. Взяв подружку за руку, она пошла к байкерам.

Осколок Старой Сети, Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 22 марта 2058 года, 10:44PM

Сперва было темно. Очень. После того, как шлем накрыл голову Насти, вокруг стало темно, тихо и очень пусто. Потом рядом с ней появилась Ишика. Покачиваясь в пустоте, она обнажила свои белоснежные зубки в улыбке и резко взвилась вверх, словно ракета на старте. Настя задрала голову вверх, чтобы увидеть, куда пропала её подруга. Наверху переливалось световое пятно, словно радужный блик на поверхности воды. Коммунистовой стало страшно: ей вдруг на секунду почудилось, что она под водой на большой глубине, а воздух — там, на недосягаемой высоте, куда она не доплывёт. Лёгкие сжал спазм, но через мгновение Настя взяла себя в руки и напомнила себе, что она не под водой, а в Вирутальной Реальности, в Старом Сегменте довоенной глобальной ВР. Тело Насти, подчиняясь её мысленным командам, плавно заскользило сквозь пустоту в направлении радужного подрагивающего пятна, в котором исчезла Ишика, пройдя его насквозь. Подплыв ближе и окунувшись в это пятно, Настя оказалась в светлой просторной комнате, где уже были все эти байкеры и Ишика. Ждали, похоже, только её.

— А вот и ты! Давай скорее сюда, — Ишика схватила Настю за руку и усадила на стул рядом с собой. По центру комнаты, в которой не было ничего кроме двух дверей и десятка стульев, стоял Ченг Лунь и что-то негромко рассказывал. Остальные молча ему внимали, изредка кивая в знак согласия.

— Распределяют роли и составляют план, — пояснила Ишика горячим шёпотом. Немного поговорив, мужчины внезапно выкрикнули что-то типа боевого клича и превратились в сияющие точки. Настя удивлённо заморгала глазами.

— Началось! — со смехом Ишикава вскочила, её тело засияло сквозь одежду, которая стала распадаться на части, растворяясь в пространстве. Настя смущённо опустила глаза. А потом вскочила со стула сама: её одежда так же стала распадаться, обнажая тело.

— Что это?! — закричала она. Точки-байкеры между тем вылетали в одну уже распахнутую дверь. За ней не было видно ничего.

— Это тамбур между Виртуальной реальностью и реальным миром, — пояснила Ишика. Яркое свечение пропало, теперь она просто поблескивала в свете лампы, висевшей под потолком.

— А одежда где? — Настя сжала бёдра и ссутулилась.

— Как где? — пожала плечами Ишика. — Там, в реальном мире.

— А здесь что, её не бывает?

— Эту сеть делали какие-то извращенцы, вот потому тут и нет одежды.

— А почему ты мне раньше этого не сказала? — возмутилась Настя.

— Я сама не знала, — Ишика подошла с подружке и взяла её за руку. — Об этом только что говорили парни. Потому они и превратились в точки, чтобы не сверкать тут своими причиндалами. И сбежали, чтобы нас не смущать.

— Правда? — недоверчиво переспросила Коммунистова.

— А зачем мне врать? Они сейчас тут поворуют всякую информацию, а мы с тобой просто поболтаемся вокруг, подурачимся. Идём?

— Идём, — Настя встала и они пошли к двери.

— И не бойся, что одежды нет — вот проблема-то. Кто нас тут увидет?

— Тут — это где?

— А смотри, — они поравнялись с дверью, через которую вылетели вампиры и их взору открылся огромный город, висящий в воздухе. Вокруг было бездонное небо, куда ни бросала взгляд Настя: вверху, внизу, в сторонах. Дверной проём висел в воздухе, на пороге которого замерли девочки: Настя с восторгом и испугом любуясь картиной, Ишика — с интересом наблюдая за реакцией подруги.

В километре от дверного проёма прямо в небе висел город. Он был техногенным — высокие небоскрёбы из стекла и бетона высились в центре скопления более маленьких панельных домов.

Но была одна деталь, отличающая этот город от ему подобных, стоявших в реальности — он был разноцветным. Каждый дом был выкрашен в яркий, уникальный оттенок. Некоторые дома переливались в свете яркого голубого неба радужными разводами.

— Красиво?

— Обадеть! — широко улыбнулась Настя-Ленина.

— Идём?

— Идём!

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Квун-Тонг, берег пролива Виктории, 27 марта 2058 года, 07:47AM

Кван сидел, откинувшись в кожаном кресле и положив ноги на стол, чья столешница была выполнена из толстого прозрачного стекла. На столе было практически пусто: кроме ноутбука с голографическим дисплеем и девушки в кожаных шортах и топике, сидевшей, поджав колени, больше ничего не было. Её светлые и прямые волосы были стянуты в жёсткий конский хвост, который расплескался по столу позади неё, ниспадая водопадом со стола на пол. Узкие точёные скулы европейской аристократки, пухлые губки и ярко-голубые глаза выдавали в ней уроженку Туманного Альбиона. Лет ей было около двадцати. Она сидела, неотрывно следя за Кваном.

Кван же сидел, сосредоточенно обдумывая какие-то свои мысли. Позади него было окно во всю стену, откуда открывался замечательный вид на пролив королевы Виктории. По всему выходило, что кабинет Квана был на вершине одного из небоскрёбов в новом деловом центре Квун-Тонг. В дверь, находившуюся напротив окна, без стука вошёл мужчина лет тридцати. Одет он был так же, как и Кван: чёрные кожаные брюки, чёрную рубашку и модные туфли из плотной чёрной кожи. Лицо у него не выражало никаких эмоций. Отражение Квана в поверхности стола просветлело:

— Фуон Фу.

— Кван.

— Есть новости? — Кван сложил перед лицом холёные ладони. На мизинце сверкнул платиновый перстень с чёрным бриллиантом. Вместо ответа вошедший приблизился к столу и бросил на него небольшой прямоугольник пластика. Проскользив по гладкой поверхности, предмет остановился точно перед

Кваном. Девушка, сидевшая на столе, с шумом потянула носом воздух, приблизив лицо к стоявшему рядом с ней Фуон Фу. Едва не касаясь его рубашки, она вдыхала чужой запах. Её лицо, как и у него, не выражало ничего, но глаза неотрывно следили за лицом мужчины.

— Эклента, — мягко позвал Кван. Девушка вздрогнула и обернулась на хозяина. — Сиди спокойно. — Девушка замерла, потеряв всякий интерес к посетителю. Кван между тем вставил предмет, принесённый Фуон Фу, в компьютер и нажал несколько клавиш. На экране появилась видеозапись.

— Ага, — удовлетворённо кивнул он. — Значит это они проникли в мою сеть?

— Да, — ответил Фуон Фу. — Они нашли вход в осколок сети. Без сомнения им кто-то его показал. Их было шестеро, плюс две девочки. Они выкрали код города и коды виртуальных жителей. Ничего не сломали, работали аккуратно. Единственное, чего не учли — это то, что Осколок этот не беспризорный, а принадлежит нам. И мы за ним приглядываем.

— Почему им не помешали проникнуть внутрь? То, что ничего не сломано, я должен благодарить воров? — спросил Кван, расцепляя ладони.

— Хранитель Осколка не смог предугадать, что у него завелась крыса и сдала его вход левым.

— Значит, Унчин не приглядел за своим хозяйством? — По выражению лица Квана можно было с уверенностью сказать, что он уже придумал наказание для провинившегося.

— Эклента, девочка, — ласково позвал он.

— М? — она повернула своё белое лицо с точёными скулами к нему.

— Унчин, маленькая, — объяснил Кван. — И узнай у него, кто меня предал. Девушка молча посмотрела на Квана. Потом спрыгнула на пол, хлестнув очень длинными волосами Фуон Фу по лицу, и пропала в проёме двери.

— Хороша, — улыбнулся Кван, не без удовольствия заметив, каким взглядом Фуон Фу провожает её походку.

— Хороша, — кивнул Фуон Фу. — Жаль, не умеет говорить.

— Ей это и не нужно, мой друг. Бери стул, садись. Поговорим про этих байкеров. У меня такое чувство, что их надо проучить. С кого предлагаешь начать?

— С девчонок, — не колеблясь, ответил Фуон Фу.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 30 марта 2058 года, 01:07PM

— Настя, иди сюда! — донеслось сверху. Звала Ишика. Настя-Ленина отложила в сторону морские раковины, которые перебирала и, встав с коленей, поднялась по лестнице вверх.

Ишика валялась на кровати на животе, перед ней дрожал, подчиняющийся малейшим колебаниям воздуха, голографический экран.

— Иди сюда: новости показывают.

— И что?

— Россию показывают, — Ишика сдвинулась в сторону и похлопала по кровати рядом с собой. Настя присела, поправляя растрепавшиеся волосы.

— А что показывают?

— Да смотри ты! Парад Победы, — действительно, по головизору мерно и величаво шагали, чеканя твёрдый шаг и держа безукоризненный строй колонны солдат в форме Российской территории Земли.

— Говорят, некоторые люди хотели закидать солдат всякой дрянью, но в первых рядах шли чекисты и люди вокруг замерли и, пока колонны чёрнорубашечников шли, благоговейно крестили их. Прикинь?

— Ну и что? — надулась Настя. Она думала что её Ишика по какому интересному делу позвала.

— Твоя же родина, — удивилась Ишика, — твои же солдаты… Вы же войну выиграли практически против всего мира…, — видя непонимание на лице девочки, Ишика отмахнулась, отвернувшись:

— А, забудь.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, Тунг Чунг, городской рынок, 1 апреля 2058 года, 08:01AM

Пингун отлетел в сторону, врезавшись в стенку лавочки. Высокий широкоплечий человек шагнул за ним в проход. Он не снимал с лица тёмных очков, и мало говорил, отчего становилось жутко.

— Да-да! Видел я её, — затараторил Пингун, отползая от надвигающегося на него незнакомца. Оскальзываясь в грязи, Пингун покрылся потом. Туфли на его правой ноге не хватало, был виден дырявый носок.

— Где она? — спросил человек, продолжая надвигаться.

— Не знаю… Она сбежала! Ей… С другой девчонкой!

— Как она выглядела?

— Черноволосая, каре… В спортивной одежде. Больше ничего не знаю! — Пингун упёрся спиной в тупик, который образовали три ларька. С улицы этот тупик не был виден.

— Прощай, — тихо хлопнул глушитель. Незнакомец не удосужился проверить точность выстрела. Убрав пистолет в карман, он развернулся и вышел из тупика обратно на шумный и пёстрый азиатский рынок.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 4 апреля 2058 года, 08:16PM

Ишика притормозила около обочины, в том месте, где притулились два старых кирпичных невысоких дома. Мрачные стены и грязные окна без признаков жизни нависли над дорогой. По другую сторону улицы была такая же картина. Людей вокруг не было вообще. Настя задрала голову вверх:

— Ты уверена, что это здесь?

— Hai, so desu, — твёрдо ответила Ишика и слезла с квадроцикла, поставив его на блокировку. Настя-Ленина последовала за ней, и встала рядом с байком, оправляя короткую юбку. Когда она подняла глаза, оказалось, что Ишика уже скрывается в узком проходе между домами, пропадая из виду. Схватив медвежонка и быстро накинув его за лямки на плечо, она поспешила за Ишикой:

— Эй, Иши, подожди меня! — Настя рванула за подругой в темноту подворотни. Она как раз нагнала её, когда Ишика стояла перед тяжёлой железной дверью, которой, казалось, никто давно не пользуется. Настя поравнялась с подружкой и вцепилась в её руку:

— Ты чего меня там бросила? Тут жуткий район!

— А я чего говорил? — тихо проворчал Слава, болтаясь на лямках на плече у хозяйки. Ишика не ответила, а, собравшись с духом, резко постучала в дверь кулаком. Сперва было довольно долго тихо, но когда наконец лязгнул затвор прямоугольного глазка и в проёме показались чьи-то злые глаза, Настя непроизвольно вскрикнула, подавшись назад и увлекая за собой оторопевшую Ишику.

— Чего надо? — спросил между тем человек за дверью.

— Я Ишикава, — ответила Риокхан-Скаратова, вновь сделав шаг вперёд и сбрасывая с себя руки испуганной Насти. Глазок закрылся с лязгом, щёлкнуло несколько замков и засовов, и перед

ними распахнулась тяжёлая бронированная дверь. За ней в полутёмном коридоре стоял высокий крепкий мужчина азиатской внешности с раскосыми, зло и хитро сощуренными глазами и в конский хвост затянутыми чёрными волосами. Выглядел он лет на тридцать пять. Одет мужчина был в красную рубашку и оранжевые брюки, из под которых выглядывали острые изогнутые носки стильных бордовых ботинок. На плече он покоил обрез калибра четыре восьмёрки, который держал левой рукой.

— Она с тобой? — он кивнул подбородком на Настю.

— Да, мастер Тин, — поклонилась Ишика.

— Проходите, — мужчина, которого Ишика назвала мастером Тином, затворил за ними дверь, вернув на место засовы и защёлкнув замки.

— Идите за мной, — он шагнул вперёд, девочки последовали за ним следом. В конце коридора оказалась очень уютная комната средних размеров, полностью устланная коврами, пледами и шкурами. Все стены также были занавешены гобеленами и шкурами, входы прикрывали тяжёлые портьеры и неизменные шкуры. Свет помещению давали яркие лампы и горящий камин. Из мебели здесь были несколько вычурных кресел, две широких изогнутых кушетки и низкий столик, накрытый белой шёлковой тканью. Сбоку, не касаясь стены, стояла ванная на ажурных ножках, наполненная розоватой благоухающей водой. В воздухе витал аромат благовоний и масел.

— Садитесь в кресла, — мастер Тин махнул в сторону рукой, а сам подошёл к стене и вернул обрез на подставку в виде изогнувших свои тела драконов, вырывающихся через гобелен наружу. Бронзовые драконы терялись на фоне хорошо подобранного гобелена, так что казалось, что обрез парит в воздухе.

— Она будет смотреть? — вопрос мастер Тин задал так, словно уже знал ответ.

— Да, — кивнула Ишикава, встретившись с Настей взглядом.

— Хорошо, — мужчина скинул с ног туфли, оставшись босиком. Отогнув край гобелена мордой, в комнату вошёл огромный дог чёрного окраса. Повернув голову к девочкам, он тихо, но угрожающе зарычал.

— Крекс, спокойно, — так же тихо осадил его мастер Тин и дог тут же угомонился. Опустившись на живот и вытянув лапы вперёд, он внимательно стал следить за манипуляциями, которые проводил его хозяин. Сдёрнув со столика шёлк, мужчина взял из плотно сбившихся там предметов кусочек ткани розового цвета и плеснул на неё жидкости из пузатенькой баночки. К ароматам, витавшим в воздухе, присоединился ещё один — аромат розовых

лепестков.

Подойдя к Ишике, мастер Тин на мгновение замер, а потом поднёс тряпочку к её лицу. Ишика сперва от неожиданности вскинула руку, чтобы отмахнуться, но мастер Тин легко оттолкнул вскинутую ладонь и начал протирать лицо девочки:

— Это очищающий состав. Кожа должна быть чистой. Без косметики, жира или грязи.

— Извините, — смущённо пробормотала Ишика. Убрав тряпочку, мастер Тин взял со столика тонкий пигментный карандаш.

— Какую?

— Одну кандзи. «Ненависть», — твёрдо, словно заученную фразу ответила Ишикава.

— С ненавистью в сердце вечно жить нельзя. Когда ненависть растает, останется лишь пустота. Пустая жизнь, прикрывающая свою наготу ветшалой тряпкой ненависти, — ответил мастер Тин.

— Прошу вас, — твёрдо повторила Ишикава.

— Хорошо, — мужчина тряхнул головой, отчего его конский хвост описал в воздухе дугу и принялся рисовать. Толкнув легонько девочку в грудь, чтобы она прижалась спиной и головой к спинке кресла, он посмотрел ей в глаза:

— Пока не закончу, ты ничего не увидишь.

— Я знаю, — ответила одними губами Ишика. Кивнув, мастер Тин поднёс острый карандаш к её глазу, над которым вместо брови белел широкий кривой шрам со рваными краями. Замерев на секунду, мастер Тин начал рисовать. Кандзи-буква китайского алфавита была широкой, размашистой, затейливой. Но, вместе с тем, мастер Тин положил её на место отсутствующей брови девочки так искусно, что она восхитительно гармонировала с чертами лица Ишики, словно она родилась с ней. Словно Будда своей просветлённой рукой наложил на её лицо этот замысловатый узор линий.

— Теперь будет больно, — мастер Тин сделал первый укол иглой, вводя пигмент под кожу. Ишикава непроизвольно застонала. Настя хотела вскочить со своего кресла и подойти к подруге, но Крекс, лежавший на полу, угрожающе зарычал.

— Не советую. Он здесь для того, чтобы мне никто не мешал. Поверьте, он умеет убеждать, — заметил мастер Тин, снова делая укол татуировочной иглой.

— Это долго? — Настя-Ленина благоразумно осталась в кресле, сжимая в руках медвежонка.

— Несколько часов, — кратко ответил мастер. — И не стоит так много говорить. Игла воткнулась над глазом в кожу, пробивая её, оставляя после себя в ранке маленькую частичку краски.

Ишика снова застонала. Прикусить губы было нельзя — мастер Тин запретил двигать лицевыми мышцами, иначе в рисунке появились бы ошибки.

Гонконгская территория Земли, островной Гонконг, Кеннеди-таун, берег пролива Виктории, 5 апреля 2058 года, 4:42PM

— Что случилось? — спросил Ченг Лунь.

— Говорят, что у нас скоро будут проблемы, — ответил Джамиль, глядя на пролив.

— Почему?

— Мы наступили кому-то на хвост с последней операцией.

— Мафии? Армии? Русским?

— Первое, — покивал Джамиль и потрогал свою короткую ухоженную бородку.

— Чёрт.

— Вот-вот.

— У нас мало людей.

— Позови боевой отдел, — предложил капрал иракских ВС.

— Придётся. Смотри в оба. Я что-нибудь придумаю.

— Ты за подружкой своей пригляди, — посоветовал Джамиль.

— Знаю. Спасибо, что сообщил.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 12 апреля 2058 года, 11:47PM

В ночном клубе «На поруках», отделанном в тюремном стиле, играла громкая, тяжёлая танцевальная музыка — смесь нео-техно и классической кислоты. Внизу на главной танцплощадке на полную катушку отрывалась толпа молодёжи. Здесь были посетители от четырнадцати до практически тридцати лет. Лазеры сновали по мокрым спинам и обнажённым торсам, выхватывая из полутьмы то ту, то другую группу людей.

Отвернувшись от зала, Настя взяла свой бокал и отпила коктейль. За столиком с ней сидели два хмурых и усталых «вампира» из боевого отдела: Чжэнг Вон и Ухэнь Чжи Хун. У первого была перебинтована правая рука от запястья до локтя. Второй периодически прикладывал свой холодный стакан ко лбу, где сейчас в полутьме зала практически не было видно тёмной

ссадины.

— Мне скучно, — сказала Настя.

— Вожак сказал ждать его, — возразил Чжэнг Вон, покачав головой.

— Поехали куда-нибудь. Скажем, в звёздный квартал? или на берег?

— Не, — отказался Чжэнг Вон. Настя надула губки и отвернулась от своих кавалеров. Они не будут потакать ей, это было ясно. И ничего на них не подействует. Приходилось просто ждать, пока позвонит Ченг Лунь и скажет, куда можно ехать, чтобы быть в относительной безопастности. Ченг Лунь позвонил примерно через двадцать минут, когда Настя-Ленина готова была уже биться головой о пластик столика. Ченг Лунь сказал прибыть в район Пристани в Заливе. Байкеры с облегчением допили свои безалкогольные коктейли и Чжэнг Вон кивком головы показал не менее обрадованной Насте на выход. Она вскочила с улыбкой на ноги и легко пошла к лестнице, ведущей с мансарды-бара вниз на танцплощадку, чтобы оттуда пройти к выходу. Позади неё шествовали её провожатые. Спустившись к чёрному ходу, ведущему на заднюю улицу, Ухэнь Чжи придержал Настю-Ленину за плечо и первым вышел на улицу. Спустя десять секунд к нему присоединились Настя и Чжэнг Вон.

Вокруг было темно и прохладно. Узкая улочка обладала всеми атрибутами чёрного хода: мусорные баки, тусклые лампочки освещения, короткая бетонная лесенка, егоза, намотанная на верх забора из сетки-рабицы, отгораживающей один край улочки, превращая её в тупик. Да высокая непроницаемая стена дома напротив без окон и наглухо заваренной дверью. Здесь было по-ночному очень тихо и каждый шорох звучал очень громко.

— Жутковато тут, — заметила Коммунистова по-английски. Вампиры молча сели на свои мотоциклы, стоявшие подле лестницы.

— Залазь, — Чжэнг Вон кивнул на место позади себя, поворачивая ключ зажигания. Настя подошла к нему и уже было закинула ногу на сидение, как на другом конце улицы громко разорвался выстрел. Чжэнг Вон дёрнулся и завалился набок, увлекая за собой тяжёлый мотоцикл. Настя отдёрнула ногу, едва не придавленная тяжёлым Кавасаки. Перед ней лежал мотоцикл, а рядом с ним — байкер с простреленной навылет грудью. По его груди в свете фонарей расползалось тёмное глянцевое пятно. Коммунистова зачарованно замерла перед ним.

— Пригнись, дура! — заорал ей Ухэнь Чжи, прыгая в сторону от своего мотоцикла и на ходу выхватывая из наплечной кобуры

автоматический пистолет-пулемёт системы Ингрэм. Упав за баки с мусором, он мгновенно направил своё оружие в ту сторону, откуда стреляли, но на нём уже зажглись красные огоньки лазерных корректировщиков огня: один на лбу, второй — на груди. Два сухих хлопка отбросили его навзничь. Ингрем, вылетев из его рук, ударился о стену и упал рядом. Настя присела на корточки, вглядываясь в темноту. Бежать было, похоже, бесполезно. Два вампира лежали убитые, в клуб было не вернуться — она была в десяти метрах от двери и явно на мушке невидимых стрелков. Осторожно сняв с плеча плюшевого медвежонка, она прижала его к своей груди. По лицу потекли слёзы, уничтожая хорошо уложенную косметику. Моргнув, она заметила движение в темноте дальнего конца улицы — к ней кто-то приближался.

— Молчи только. Всеми Богами заклинаю: молчи, — сквозь слёзы шептала она медвежонку. — Ты сильный, я знаю. Но их много и они большие. Молчи, прошу тебя, молчи! Только молчи, Славочка…

— Молишься? — перед Настей, сидящей прямо на влажном асфальте сжав колени и раскинув ступни в стороны, вырос молодой мужчина в чёрных брюках и рубашке с закатанными рукавами. Огромные кожаные ботинки с кованной подошвой едва не касались ног Коммунистовой. Прижав к себе медвежонка, Настя подняла заплаканное лицо вверх.

— Молись, девочка. Но не бойся, нас всего двое. Тебе понравится…, — наклонившись, он взял её за запястье и дёрнул вверх. Слава выпал из её рук, плюхнувшись в неглубокую лужу.

— Не надо, прошу вас…

— Не говори «не надо», пока не попробуешь, девочка, — на плечо легла ещё одна рука — кто-то подошёл сзади.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 13 апреля 2058 года, 9:07AM

Настю нашли под утро на газоне перед домом. Вытолкнутая с заднего сидения седана, который тут же умчал, Коммунистова лежала на влажной от росы траве в полуобморочном состоянии шока. С диким визгом Ишика вылетела из дома и, обогнав дядю, спешившего девочке на помощь, упала перед подругой на колени.

— Настя…

— Ишика… Теперь она лежала на полу в гостиной на одеяле поверх циновок, а дядя Шань зашивал ей длинный порез на

спине, тянущийся от ключицы по лопатке вниз практически до почки. Настя-Ленина лежала на животе, уставившись в пламя камина немигающим взором. Ишика сидела у изголовья на коленях, готовая помочь, если будет в том нужда. Рядом с ней стоял эмалированный таз с остывающей мутно-красной водой, в котором плавали разбухшие от воды и крови бинты. Около таза лежал пустой шприц от ультракоина.

— Это моя вина, — со щеки Ишики слетела капля и упала в таз с водой.

— В том нет ничьей вины, — ответил дядя Шань после краткой паузы, аккуратно делая стежок за стежком по спине Насти.

— Просто есть скоты…

— Называть людей животными не стоит. Никакой скот не похож на человека. Людская жестокость им несвойственна.

— Но…, — хотела возразить Ишикава, но тут подала голос Настя:

— Один из них сказал: «Если к тебе относятся без ласки, значит ты её не заслужила»… Дядя Шань замер и встретился взглядом с Ишикавой.

— Ммм? — растерянно протянула Ишика, переводя взгляд с дяди на подружку и обратно.

— Есть мысли людей. Часть этих мыслей зовётся мудростью. Но эти мысли есть мудрость лишь тогда, когда человек осмысляет их. Но каждый человек осмысляет по-своему каждую мысль, исходя из своих жизненных позиций. Злые люди, как и добрые, не существуют. Это условное деление, — дядя Шань подумал и продолжил свой рассказ:

— Просто одну и ту же мысль, мудрость часть людей понимает так, а часть – иначе, порою в обратном смысле от того, что закладывался в мудрость. Кто из этих двух групп людей понял мудрость правильно — узнать невозможно, ибо все мы люди и можем ошибаться. И потому вроде бы человек оперирует хорошей мудростью, но мудрость эта имеет извращённый смысл, не совпадающим с пониманием окружающих. Не слушай никогда тех людей, чья мудрость идёт вразрез с твоей, что имеет извращённое для тебя понимание. Забудь те слова, что были сказаны чужими тебе людьми, которые причиняли тебе боль. Не ищи в тех словах мудрости и смысла для себя. Ты не найдёшь их, а лишь бессмысленно потеряешь время и искалечишь себе жизнь…

— Но дядя… ей и так уже жизнь искалечили…, — возразила Ишика.

— Никто не искалечит тебе жизнь кроме тебя, — покачал головой дядя Шань. — У тебя могут отнять невинность, но никто

не сможет насиловать твои мысли, если ты сама того не захочешь. Если ты сильна, никто не тронет твою душу. А тело страдает постоянно в этом мире, даря боль душе и разуму. Будда учит нас не иметь привязанностей к миру реальных вещей, равно как и к собственному телу — лишь тогда душа не будет знать боли и страданий.

— Ей сейчас слова не помогут…, — вздохнула Ишика, со слезами глядя на Настю.

— Слова сейчас — единственное возможное лекарство для её раненой души, Ишика. Думаю, только ты понимаешь из нас двоих, как ей сейчас плохо. Если она сильная, с твоей помощью она станет ещё сильнее. Если слабая…

— Но…

— …но она сильная, — закончил свою мысль дядя Шань, обрезая нитку на полностью зашитой ране. — Настя, сядь пожалуйста — мне нужно зашить тебе губу.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 17 апреля 2058 года, 0:03AM

Ночь выдалась звёздная, яркая. тонкий серпик луны висел высоко в небе рожками вниз. Облаков на небе не было, усыпанная бриллиантовой крошкой бездонная чернота нависала над головой спокойным и величавым саваном. Чертыхнувшись, небольшой тряпичный комок едва не соскользнул с крыши дома дяди Шаня вниз. Распластавшись на черепице, медведь поднял голову вверх и недобрым словом помянул Создателя, ночь и скользкую после дождя черепицу. Осторожно встав на все четыре лапы, медведь затем поднялся во весь рост и пошёл дальше, стараясь громко не топать. Присев около дымохода, он упёрся в трубу спиной и начал махать перед собой лапами, вырисовывая несколько замысловатых геометрических узоров. Тут же в темноте перед его лицом развернулся небольшой голографический экран, подрагивающий от дуновений ветра и статики свободного проектирования в открытое пространство. На экране возникла картинка, открылось несколько рабочих окон, поползли строки статусов на штрих-коде и псевдо-символах, которые используют машины для своих коммуникативных и управляющих целей.

— Ну-с, кто кого, детка, — пробасил Слава. В одном из окон у него выросла трёхмерная схема, в которой сложной объёмной фигурой выстроились разноцветные шарики, рядом с которыми плавали миниатюрные кодовые подписи, состоявшие из

отдельных букв и цифр. Под взмахами лап медведя и его бормотания голосовых команд шарики стали соединяться тонкими нитями — словно плюшевый медвежонок плёл паутину. Внезапно он остановился и сделал новый жест лапой. Голограмма распалась на несколько отдельных экранчиков: слева от медвежонка застыло окошко с текстовой информацией — столбик голубоватых строк с непонятными машинными символами; справа повис дисплей с трёхмерной картой, содержащей паутинку, связывающую шарики; на центральном, самом большом экране высветилась одинокая надпись большим кеглем: «connection to recipient». Несколько раз моргнув, надпись сменилась видеокартинкой, на которой оказалась обычная гостиная в тёмных тонах. Перед экраном стояла заспанная молодая женщина в чёрном халате.

— Кого черти носят? — проворчала она, как только установился контакт.

— Меня, — ответил медвежонок спокойно.

— О как…, — женщина мгновенно проснулась. Секунд пять она разглядывала мордочку плюшевого медвежонка, а потом сказала:

— Kombanwa Saruwa-tyan.

— Kombanwa Katya-sempai.

— Чего звонишь? — вздохнула женщина.

— Так, соскучился, — пожал плечиками медвежонок.

— Врёшь ведь, — улыбнулась она.

— Вру, — согласился Слава.

— Серьёзно: чего надо? Сбежал, а теперь звонишь, помощи просишь?

— Я про помощь ничего не говорил!

— Зачем бы ты ещё звонил-то?

— Сказать, что с девочкой всё в порядке… в разумных пределах. Руки-ноги целы, жива, не болеет.

— А в остальном? — напряглась женщина.

— А в остальном наш мир очень жесток. Тут чисток не проводили и отребья полно. Каждый норовит обидеть.

— Тут это где? Насте там плохо, а ты философствуешь?

— Ей тут хорошо. По крайней мере, она чувствует себя лучше, чем дома, — возразил Слава.

— Лучше чувствует? Да что она понимает? Дома её и холят и лелеют, всё для неё и всё ради неё! У неё есть всё, чего она ни пожелает! — разозлилась женщина, садясь в кресло в своей комнате. Её голографический дисплей послушно подплыл к ней, вновь приблизив её лицо к медвежонку.

— Тепло дома чувствуют не жопой, а сердцем, — ответил

Слава.

— Фу… Где ты нахватался таких словечек?

— В окопах в Северной Африке, Индокитае и Монгольских степях.

— Можешь не продолжать свой боевой и славный послужной список, — отмахнулась она, скривившись.

— Завидуешь, Катерина, что у тебя такого боевого списка нет?

— У меня есть другой список. Он не менее доблестный, чем твой! Хотя Диктатора я лично и не спасала.

— А в награду за спасение его шкуры мне выдали отпуск в шкурке плюшевого медвежонка? Вместо того чтобы починить мой бронированный пятиметровый экзоскелет?

— Слава…

— И подарили маленькой девочке? У которой в действительности нет ничего: ни матери, ни отца?

— У неё есть отец!

— Который занят только тем, что играет в глобальные войны и управление земным шаром? Наплевать ему на дочь.

— Неправда! Он ради неё к вам искать её едет! Ой! — Катерина зажала себе рот обоими ладонями.

— Будем считать, что я этого не слышал, — кивнул медвежонок. — Я и так знаю, что Прохор Пантелеевич едет сюда по подложным документам и стёртой памятью…

— Откуда ты…

— Я хотел просто узнать: какая у него программа? Чем вы думали, когда послали сюда военного узурпаткомиссара? Это же ключевая мировая фигура.

— Ты же только что говорил, что он просто играется миром? — пробубнила Катерина из под приоткрытых ладоней, которые она по-прежнему держала у лица.

— Это я говорил правду его дочери, как она видит мир — это ведь её правда, субъективная, но правда? А вот его должность и его ум стратега и тактика я уважаю до последней кремниевой пылинки в своей теперь уже плюшевой башке. Считай что сейчас во мне говорит патриот своей страны.

— Хорошо я тебя запрограммировала…, — улыбнулась Катерина.

— Ещё бы. Ты ведь ведущий кибернетик Находки. Думаю, и всей страны так же.

— Ты мне льстишь…, — засмущалась она.

— Нет, не льстю. Мне это незачем. А вот хакер из тебя плоховат…

— Это почему же? — удивилась женщина.

— Потому что ты до сих пор не отловила меня по сигналу и не отловишь, — Слава повернулся к правому экранчику и ткнул в него лапой:

— Видишь, ты до сих пор смогла отследить лишь пятнадцать спутников-ретрансляторов из всех…

— А сколько их осталось? — Катерина подалась вперёд, чтобы получше разглядеть перебиваемую статикой картинку, но медвежонок вновь сдвинулся, и картинка изменилась, экран с сетью спутников пропал из зоны видимости.

— Много. Мы можем ещё час уверено болтать ни о чём.

— Вот зараза! — выругалась Катерина.

— Не переживай, — посочувствовал Слава. — Когда-нибудь я тебя научу этому колдунству.

— Угу. Буду премного благодарна. Кстати, как я поняла со слов Коммунистова, Диктатор ему сказал примерно тоже самое, что и ты про родной дом, правда… несколько другими словами.

— Не сомневаюсь, что слова «жопа» нет в его лексиконе, — развеселился плюшевый медвежонок.

— Почему же, есть. Думаю, он просто из уважения к окружающим его не использует. Тем более при разговоре с дамой.

— Ой, нижайше прошу меня простить, — поклонился медвежонок. — Я больше так не буду.

— Да ладно уж. Для прожжённого солдафона ты очень даже галантен.

— Это потому что меня сделала женщина. И запрограммировала женщина.

— Да уж…

— Спасибо тебе за это. Как ни странно, роботу Славе даже в тушке плюшевого медвежонка нравится жить.

— Я рада. — кивнула Катерина. — Может ты сдашься, плюшевый? Да девочку выдашь Диктату?

— Не могу, ты же меня знаешь.

— Понимаю.

— Эх…

— Тебя ищут из-за кодов запусков. И карт Генштаба.

— Понимаю, что не только из-за девочки, — вздохнул Слава. — Врагам их не отдам. Я Родину не предам, ты-то лучше всех это понимаешь, Катерина?

— Я знаю. Но в таких вопросах Диктатор никому не доверяет. Сам знаешь, меня он и слушать не станет…

— Все всё знают и понимают, — улыбнулся плюшевый медвежонок. — Зачем мы тогда вообще говорим, если всё без слов понимаем?

— Ты меня спрашиваешь? Сам позвонил и вопрос такой

задаёшь?

— Ты не рада меня слышать?

— Очень рада, поверь.

— Верю. Ладно, пойду я, мой Создатель.

— Давай, иди. Береги себя и девочку.

— Ты мне так и не сказала, бояться товарища Коммунистова или нет?

— А что он сделает собственной дочери?

— Дочери-то может и ничего… А вот своему солдату, нарушившему приказ?

— А вот это решать не нам, а военному трибуналу, так ведь?

— Угу, — погрустнел Слава. — Ты придёшь на мой трибунал?

— Только на расстрел не приглашай, ладно? — Катерина стала печальной в тон медведю.

— Договорились. Береги себя.

— Ты ещё позвонишь?

— Может быть. На всякий случай приготовь пару ботов-ищеек, чтобы меня проще было искать в сети.

— Хорошо. Каких порекомендуешь?

— RX-37-12A и Namboo N-5 — хорошие умные программки.

— Спасибо.

— Пока.

— Sayonara Saruwa-tyan.

— Mata ashita Katya-sempai, — взмахом лапы медвежонок разорвал соединение. Посидев с минуту молча, он начал путать между собой те нити связи, что не были раскрыты во время их разговора. Закончив с этим, он повернулся к левому миниэкрану и активировал код, начертанный там:

— Вирус крайне вреден, и предназначен будто бы для диверсии на портале Киотской биржи ценных бумаг, но его задача всего лишь запутать следы меня любимого, — проговорил он нараспев, видя, как строки кода постепенно, одна за другой становятся красными, выполняясь, выходя в глобальную сеть, оживая.

— Адьёс, амиго, — взмахом лап медвежонок убрал голографические экраны, которые сам же и проектировал в окружающее пространство. Вокруг вновь воцарилась темнота, усыпанная мириадами сверкающих звёзд. Да среди всего этого великолепия мерцал заходящий тонкий серпик луны, касаясь острыми рожками далёкой и тёмной глади воды Индийского океана.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг,

Каулун-сити, исторический район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 20 апреля 2058 года, 07:11PM

Районы Хунг Хом и Цим Ша Цуи всё ещё лежали в руинах, несмотря на то, что люди потихоньку возвращались в свои или чужие дома. Их даже не останавливали запрещающие знаки и перманентное оцепление этих районов. Армия и национальная полиция не мешали людям беспрепятственно посещать и покидать районы руин. Всё что можно было, там уже разграбили. Расчистку районов так же никто не производил, улицы были грязными, всюду высились обломки некогда красивых высотных зданий. Не проходило и месяца, чтобы кого-нибудь не придавило окончательно рухнувшим зданием.

— Минеральной воды, — попросил человек, усаживаясь за стойку бара. Бармен молча налил ему высокий стакан искрящейся голубоватой жидкости. Человек положил на стойку купюру в сто русских рублей:

— Сдачи не надо. Бармен молча забрал купюру, испытующе глядя на незнакомца европейской наружности.

— Вы не видели этой девочки? — человек положил на то же самое место на стойке, куда за мгновение до этого опустил сторублёвку, голографическую фотографию. Бармен, не прикасаясь к ней, посмотрел сверху вниз, чуть задрав при этом голову вверх. Несколько секунд поизучав её, он отрицательно помотал головой.

— Спасибо, — фотография пропала в кармане человека. Отпив воды, он оглянулся назад.

— Эй, мужик, интересуешься девочками? — спросил кто-то слева. В баре играла музыка, поэтому его вряд ли кто-то кроме него мог услышать. Человек поднял глаза на бармена. Тот, глядя в глаза, медленно и почти незаметно отрицательно помотал головой. После этого незнакомец повернул голову к тому, кто говорил:

— Ты её видел? — он показал фото.

— Нет, её не видел, — отмахнулся азиат лет двадцати. — У меня есть другие. Лучше чем эта! На любой вкус: маленькие японочки, жирненькие американочки, стройненькие эфиопочки и так далее. Скажи, какая тебе нужна? — парень наклонился поближе, чтобы создать видимость доверительного общения:

— И все маленькие. Ты понимаешь, да? Самое вкусное и по низким ценам… Договорить он не успел — европеец кратко ударил его в горло, сломав кадык. Пуская слюни и глухо хрепя, азиат свалился со стула. В баре все замерли, повернувшись на стойку и чужака. Кроме музыки не раздавалось ни единого звука.

Сделав глоток воды, незнакомец отставил стакан и тут на него кинулся один из посетителей. Отбив удар не вставая, человек произвёл контрудар в солнечное сплетение. Встав со стула, он подсёк ноги нападавшего, уронив его на спину. Следующим шагом он наступил ему на горло и перенёс вес тела на эту ногу. В тишине бара раздался неприятный хруст. В следующее мгновение в движение пришло всё. Несколько человек из бара поспешно ретировались, но остальные, исключая разве что бармена, бросились на незнакомца. Первым двум нападавшим он сломал руки, потом двум — ноги. Потом одному свернул шею. В отличие от гонконгцев он не бил, он убивал. Коротко и быстро. Ему не нужны были красивые удары и унижение противников. Ему была нужна их смерть.

Гонконгская территория Земли, островной Гонконг, Кеннеди-таун, берег пролива Виктории, 21 апреля 2058 года, 4:20AM

На безлюдной улице стоял одинокий мотоцикл. Прохладный ветерок подхватывал редкий мусор и кружил его вокруг, но молчаливый механизм сдвинуть был не в силах. В предрассветных сумерках мотоцикл марки «Кавасаки» вполне можно было принять за просто припаркованный у обочины каким-нибудь молодым любовником, который проводил ночь у своей подружки, если бы не одно «но»: крышка у бензобака была свёрнута, на его обтекаемых боках поблескивала ещё не запёкшаяся кровь, а внутри плескалась не прозрачная зеленовато-жёлтая бензиновая смесь, а густая алая жидкость с резким животным запахом. А когда рассветёт, на асфальте можно будет прочитать бурую надпись от руки: «Бунь Джан Ли».

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 23 апреля 2058 года, 10:12AM

Человек остановился и обернулся на месте на триста шестьдесят градусов, осматривая окрестности. Серый, кое-где потрескавшийся бетон, одичавшие деревья, за которыми давно не ухаживали, заброшенные дома. Над улицей, где он остановился, нависал одинокий небоскрёб с отколотым кусочком верхних этажей, словно какой-то великан попробовал его на зуб, да счёл

несъедобным и оставил стоять на пустой безлюдной улице.

Выбрав новое направление, человек зашагал дальше, ведомый одним ему известным путём. В левой руке у него мерно покачивался чемоданчик, который вмещал в себя автоматическую электронную систему взлома компьютерных сетей. Только в данный момент нужно было взломать видеосеть уличного наблюдения, чтобы найти в множестве лиц, запечатлённых бесстрастной полицейской системой, одно единственное, молодое и невинное, но намертво засевшее в голове незнакомца.

Гонконгская территория Земли, островной Гонконг, Грин Айлэнд, 27 апреля 2058 года, 1:17AM

Остров Грин Айлэнд некогда действительно был живописным и зелёным островком к западу от острова Гонконг. Небольшой райский уголок сперва был вытоптан и застроен людьми, а потом его соединили с островом Гонконг рукотворной насыпью, когда земли стало катастрофически не хватать.

Фешенебельный район «Зелёный Остров» даже после войны сохранил свою роскошь и богатство. Ухоженные газоны, чистые улочки, ровное асфальтовое покрытие дорог, красивые двух— и трёхэтажные дома — всё говорило случайному и неслучайному прохожему о том, что в этом районе живут далеко не самые бедные люди планеты Земля. Потому-то Унчин, один из людей Квана, привык чувствовать себя немного выше остального населения планеты. Даже на своего босса он привык смотреть свысока, правда, про себя, чтобы сам босс этого не узнал.

А вот сейчас он взирал на мир с очень низкого расстояния от пола: покачиваясь из стороны в сторону, он висел вверх тормашками в подвале собственного дома, привязанный за щиколотки к крюку под потолком. Руки были связаны и надёжно притянуты верёвками к туловищу. Во рту крепко сидел тряпичный кляп из белоснежного куска рубашки, приятно пахнущий женскими духами. Перед Унчином стояла девушка, чей левый рукав рубашки аккурат сейчас торчал из его рта. В руках девушки тускло блестел в свете слабой подвальной лампочки короткий и кривой нож. У ног молодой девушки лежала другая связанная девушка, моложе первой года на три. Это была новая жена Унчина. Предыдущую он отравил ещё год назад, чтобы жениться на молодой любовнице, у которой была упругая грудь и крепкая попка. Сейчас же всё это валялось на грязном земляном полу, а Эклента стояла своим острым каблучком на лице Минь

Джан, а та боялась пошевелиться и лишь учащённо и испуганно дышала; её миндалевидные азиатские глаза готовы были вылезти из орбит.

— М? — улыбнулась Эклента, потянувшись ко рту Унчина. При этом она перенесла вес на ногу, которой стояла на Минь Джан и та завопила от резкой боли. Не обращая внимания на вопли и брызнувшую из под шпильки сапожка кровь, Эклента выдернула кляп изо рта мужчины.

— Эклента! Эклента! Послушай, остановись! Я скажу всё что хочешь! Я сделаю всё! Я нужен мистеру Квану! Здесь какая-то ошибка! Послушай… Эклента кратко ударила висящего вниз головой Унчина в переносицу. Теперь и у него пошла кровь. Оттого, что он висел кверху ногами, дышать стало очень трудно, а вот захлебнуться в собственной крови — проще простого. Отплёвываясь, Унчин попал кровью на белую рубашку Экленты, и без того уже лишившуюся рукава. Отпрыгнув, девушка рванула рубашку на груди, не удосужившись расстегнуть пуговицы. Буквально сорвав с себя обагрённую ткань, она бросила её в сторону, оставшись в белом кружевном бюстгальтере. Оправив пояс коротких белых шорт, она посмотрела на Унчина.

— Я не хотел, честное слово! — взмолился он. Эклента снова подошла к нему, поставив ногу на лицо его жены, но на этот раз не каблуком, а носком.

— М? — спросила она мужчину.

— Это был взлом! Я действительно ничего не знал! Военные… иракцы проверяли за неделю до этого тот район. Возможно, они что-то пронюхали! Но я сам ничего им не говорил! Моя ошибка, что я не сообщил о том рейде мистеру Квану, но я всё исправлю! Умоляю… Эклента перестала слушать его причитания. Главное она уже услышала. Убрав ногу с залитого кровью лица Минь Джан, Эклента присела перед ней и рванула её ночную рубашку, обнажив маленькие и крепкие девичьи груди. Положив нож рядом с собой, она левой рукой вцепилась в волосы девушки, а правой с силой схватила одну из её грудей. Жена Унчина забилась в истерике, но её руки были связаны за спиной, а Эклента крепко держала её в своих руках. Ещё сильнее сжав грудь Минь Джан пальчиками с острыми ноготками, Эклента наклонилась и с силой провела языком по ней, целясь на сосок. Скривившись, словно ей не понравился вкус, Эклента подняла голову Минь Джан за волосы, и с размаху влепила ей тяжёлую и звонкую пощёчину, разбив её губы. Из глаз жены Унчина брызнули слёзы, смешиваясь с уже начавшей запекаться кровью. Встав, Эклента пнула острым носком белого сапожка девушку под рёбра, и перевела взгляд на Унчина. Тот, заворожено глядевший

на происходившее до этого, словно очнулся. Дёрнувшись, он оторвал взгляд от своей жены и вновь обратился к Экленте:

— Госпожа Эклента, прошу вас…, — короткий нож полоснул его по горлу. В Экленту ударила фонтаном маленьких капелек кровь, словно вода из сифона. Окатив обоих девушек кровью, Унчин задёргался в конвульсиях. Он ещё продолжал рефлекторно подрагивать на верёвке, когда Эклента вновь стояла на коленях перед его молодой женой и с мурлыканьем слизывала его кровь с грудей всхлипывающей Минь Джан, с особым старанием вылизывая набухшие соски. Потом она потихоньку стала продвигаться ниже к животу девушки.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, Каулун-сити, берег пролива Виктории, 27 апреля 2058 года, 12:16AM

Дверь с тяжёлым лязгом открылась, впустив незнакомца внутрь. В грудь ему из полутьмы коридора смотрел обрез.

— Не стреляй, — незнакомец развёл в стороны руки. — Я спрошу и уйду.

— Иди вперёд, — мастер Тин отстранился, пропуская человека внутрь, но продолжая держать его на мушке. Пройдя в татуировочный зал, хозяин жестом пригласил гостя присесть в кресло. Незнакомец кивнул в знак благодарности и занял указанное место.

— Я хотел спросить, знаешь ли ты местонахождение этой девочки? — гость осторожно достал из внутреннего кармана плаща фотографию и продемонстрировал её.

— Почему ты думаешь что я её знаю? — спросил мастер Тин.

— Уличное видеонаблюдение видит всё, — спокойно и без улыбки ответил незнакомец.

— Хорошо. Только сперва ответь и ты на мой вопрос: ты причинишь ей вред, когда найдёшь?

— Нет. Я здесь, чтобы её защитить.

— Я тебе верю. Она приходила сюда с подружкой. Имени твоей девочки я не знаю. Но её подружку зовут Ишикава. Они не из Гонконга, живут где-то в районе Дискавери Бэй. По крайней мере, оттуда она мне звонила, когда договаривалась о встрече.

— Спасибо за гостеприимство и информацию. Если будет что добавить, вот номер моего коммуникатора, — незнакомец встал и протянул мастеру Тину визитную карточку, на которой был лишь номер личного коммуникатора, судя по номеру, прошедший

регистрацию на Российской территории Земли.

Гонконгская территория Земли, островной Гонконг, Пок Фу Лан, берег пролива Виктории, 30 апреля 2058 года, 7:42PM

Пок Фу Лан, юго-западный район Гонконга, грязный и унылый, озарился яркой вспышкой световой гранаты. За вспышкой сразу же застрочило автоматическое оружие.

— Тваю мать! — выругался Андрей Ксинг по-русски, уползая с линии огня лёжа на спине, отпинываясь от асфальта ногами. Спрятавшись за невысоким бетонным парапетом у обочины дороги, он достал два американских Ингрэма и, не глядя, высунул руки за парапет и открыл огонь, целясь на звуки чужой стрельбы. У мотоцикла, замершего на проезжей части в десяти метрах от него, в луже растекавшегося бензина без движения лежала ничком девушка. Из под её шлема торчали рыженькие кудрявые волосы, местами потемневшие от крови.

— Тваю мать! — снова выругался Андрей со смешным гонконгским акцентом. — Матрица, я тебя отымею! — он вскочил во весь рост и снова нажал на спусковые крючки своих автоматов. Ответные выстрелы отбросили его назад, за парапет. Упав, он ещё успел повернуть голову, чтобы в последний раз посмотреть на недвижимое тело девушки рядом с собственным мотоциклом.

Гонконгская территория Земли, остров Ма Ван, трасса Каулун-Аэропорт, 1 мая 2058 года, 7:12AM

Старенький тентованый КамАз остановился рядом с голосовавшим одиноким путником, подняв клубы сухой дорожной пыли. Сев в кабину, человек кивнул водителю:

— Спасибо.

— Далеко едешь? — поинтересовался водитель, заводя двигатель.

— В Дискавери Бэй.

— Я в аэропорт. Часть дороги мне по пути.

— Спасибо, — снова кивнул незнакомец.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 1 мая 2058 года, 08:10AM

— Не стоит, старик, — двое парней Квана крепко держали дядю Шаня за руки. Фуон Фу стоял перед каминной полкой и внимательно разглядывал фотографии, стоявшие там. — Вы ведь боевой офицер, не так ли?

— Полковник Королевских Морских Сил, — холодно ответил старик, выпрямляясь. Фуон Фу повернулся к нему и низко поклонился. Парнни между тем продолжали держать дядю Шаня.

— Нам нужен Ченг Лунь. Потом мы уйдём.

— Я не знаю этого имени, — ответил старик. Фуон Фу покивал, соглашаясь.

— Я хотел с ним разобраться по-мужски, но, видимо, он слишком труслив. Мне не остаётся другого выхода, как действовать такими же трусливыми методами.

— У тебя нет понятия чести, — дядя Шань понял, куда клонит этот высокий и молодой мужчина, явно посланец Триады.

— Возможно, господин полковник. Но я не могу поступить иначе. Вы лучше меня понимаете значение слова «приказ».

— Господин Фу, мы нашли их, — в комнату вошёл с поклоном один из людей Квана.

— Хорошо. Идём. Господина полковника не отпускать, но силы не применять, — Фуон Фу пошёл за провожатым на второй этаж. В маленькой комнатке на кровати сидела светловолосая девочка с видеозаписи, прижав к груди плюшевого медвежонка, а посреди комнаты в бойцовской стойке с ножом в руке стояла другая девчонка, кареглазая и черноволосая, не давая никому подойти ни к себе, ни к кровати:

— Не подходите! Убью, сволочи!

— Успокойся, — Фуон Фу без раздумий шагнул под нож, ловко увернулся от него, словно играя, и взял в захват запястье девочки. Секундная задержка, позволяющая противнику дать осознать своё приближающееся поражение, лёгкий поворот кисти и холодное оружие падает к ногам. И всё.

— Отпусти! — Ишика очнулась, вцепившись свободной рукой в горло Фуон Фу. Тот легко толкнул её растопыренной ладонью в грудь, отбросив к кровати.

— Ишика! — испугалась светловолосая девочка, дёрнувшись к ней.

— Спокойно, Настя, — Ишика встала, потирая правое плечо.

— Давайте дружить? — предложил Фуон Фу.

— Да пошёл ты в …, — выругалась Ишикава. Из-за спины Фуон Фу в комнату вошло несколько его человек, чтобы забрать девчонок к Квану.

— Доставьте наживку к Квану. И без глупостей, — напомнил Фу, потеряв интерес к происходящему. Его работа была

выполнена. Девчонок он нашёл, осталось доставить их на склады к Квану и ждать байкеров, которые уж точно придут на помощь. Не может же их главарь бросить свою маленькую любовницу и её подружку на произвол судьбы, оставив в руках такого негодяя как Кван? Не может. Кивнув самому себе, Фуон Фу спустился вниз, направляясь к своей машине. Через минуту в доме раздался дикий вопль и из окна на втором этаже, разбивая стекло, сиганула маленькая фигурка, с перекатом приземлившаяся в облаке сверкающих острых брызг на газон. Тут же вскочив, она на мгновение встретилась глазами со стоявшим рядом со своей машиной ФуонФу, и побежала прочь. Из разбитого окна по пояс высовывались молодчики Квана, безрезультатно пытаясь попасть из пистолетов в убегающую фигурку Ишикавы.

Явственно представив себе лицо Квана, Фуон Фу смял едва початую пачку сигарет и отбросил её в сторону.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 1 мая 2058 года, 10:47AM

Настя сидела на полу, поджав ноги. В огромном и полупустом ангаре кроме неё было ещё три человека: высокий и неулыбчивый Фуон Фу и два здоровяка с автоматами наперевес, которые стояли метрах в тридцати от неё, зорко следя за любыми её телодвижениями.

— Мы просто посидим с тобой и подождём, — напомнил Фуон Фу, присаживаясь на стул. На второй стул, стоявший рядом, он показал рукой, но Настя отвернула голову, разметав волосы в сторону:

— Не надо говорить со мной, как с маленькой, — ответила она по-английски. — Мне почти четырнадцать!

— Хорошо, Настя-почти-четрынадцать, — кивнул Фуон Фу. — Я бы хо…, –

Зазвонил коммуникатор. Извинившись, Фу достал его из кармана и отошёл в сторону, чтобы девочка не услышала его разговора. Вернувшись через пару минут, он снова извинился:

— Прости, мне надо ехать. Я буду вечером. Эти дяди присмотрят за тобой, — Фуон Фу покинул ангар.

Стало тихо. Пылинки кружились в косых лучах солнца, пробивавшихся сквозь дыры в стенах. Сторожа присели на стулья на достаточном расстоянии, чтобы Настя не могла слышать их тихого и мерного разговора. А она сидела, прижавшись спиной к

огромному ржавому морскому контейнеру, да крепко обнимала Славу, который не подавал признаков жизни, обдумывая план побега или ещё что-нибудь.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 1 мая 2058 года, 7:11PM

Фуон Фу вернулся лишь в восьмом часу. Лицо его было непроницаемее обычного, смуглый цвет кожи приобрёл более светлый оттенок. Подойдя к охранникам, он краткой командой выгнал их из ангара наружу, оставшись с Настей в просторном и гулком помещении наедине. Водрузив рядом с сидевшей на полу девочкой два огромных пакета, он присел на стул:

— Прости, что задержался. Дела отвлекли.

— Вы не поймали Ишику, да?

— Нет, — помотал головой Фуон Фу.

— Ясно. Я в туалет хочу.

— Иди, конечно же.

— А куда? — Настя-Ленина встала с пола, оглядываясь по сторонам. Вокруг было темно, светилась лишь одна тусклая лампочка под высоким сводчатым потолком.

— А ты что, за весь день не обнаружила ни одного места здесь?

— Я при этих шкафах не хотела…

— Ясно. Можешь зайти за этот контейнер. Тебя там никто не побеспокоит.

— Спасибо, — Настя мягко прошла в указанном направлении. Через пару минут вернулась. Сев на пол, она спросила:

— Чем заниматься будем?

— Гм…, — Фуон Фу посмотрел на принесённые пакеты:

— Болтать, есть и пить, спать.

— Звучит как-то однообразно…, — заметила Настя.

— Смотря о чём говорить, что есть и пить и как спать.

— Ещё один! — фыркнула Настя, отворачиваясь.

— Ты о чём?

— Я про «смотря как спать»!

— А… Спать будешь ты, я — тебя охранять.

— У меня уже есть охранник, — парировала Настя.

— Я твоего медведя уважаю, но при всём моём уважении…, — начал Фуон Фу, но его перебил Слава, подскочив с бетонного пола, где он до этого момента лежал неподвижно:

— Чего? Чего ты хочешь этим сказать, образина узкоглазая?! Фуон Фу смутился, но продолжил:

— При всём этом я не могу доверить тебя в плюшевые лапки Славы. Или как мне его называть? Может быть «командующим второй армией Российской территории Земли, телохранителем Диктатора Олега Дмитриевича Беднякова, генералом Антеусом»?

— Было бы у меня моё тело! — Слава стоял в бойцовской позе, держа плюшевые кулачки перед мордочкой, и зло щурился на Фуон Фу.

— Я очень уважаю ваш военный талант, вы — настоящий преемник великого Сунь Цзы, — помощник Квана поклонился плюшевой игрушке. — И я ни в коей мере не собираюсь причинить вам вреда. Как и вашей спутнице, генерал Антеус.

— Ты у меня смотри, косоглазый! — Слава показал Фуон Фу плюшевый кулак. — Даже и не думай её обидеть. Я тебя после этого так уделаю!

— Могу я предложить вашей спутнице скромный ужин? — вместо ответа спросил представитель Триады.

— Можешь, — кивнул медвежонок Слава, садясь на пол.

— Здесь немного еды, — Фуон Фу поднял пакеты с пола и начал выгружать их содержимое на столик:

— Сок, окорок, колбаса, хлеб, сыр, зелень. Алкоголь. Всё натуральное, с собственной гидропоники в Тихом океане. Настя встала и стала помогать Фуон Фу сервировать стол.

— Тоже мне, идиллия…, — проворчал Слава.

— Да успокойся ты! — Настя-Ленина прикрикнула на медвежонка. Он в ответ пробубнил что-то про потерянное поколение дурочек и отсел к ржавому контейнеру, скрестив лапки на груди.

— Ну, можно и перекусить, — чуть улыбнулся Фуон Фу.

Гонконгская территория Земли, остров Лантау, берег залива Дискавери Бэй, Дискавери Бэй, 1 мая 2058 года, 07:59PM

— Я знаю её, — кивнул дядя Шань. — Утром её забрали с собой люди Квана.

— Где это? — незнакомец сидел напротив, неподвижный и неулыбчивый.

— Я объясню вам, не беспокойтесь. Кстати, Настя очень похожа на вас…

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 1 мая 2058 года, 9:33PM

— Ещё каракатиц? — спросил Фуон Фу.

— Мне больше осьминоги с сыром понравились, — улыбнулась Настя.

— Как пожелаешь, — улыбнулся в ответ Фуон Фу. Он потянулся за миской, но в этот момент на улице раздался одинокий выстрел дробовика. Потом ещё один. За ними следом кашлянула короткая очередь из автомата. Фуон Фу резко вскочил с места, на ходу доставая коммуникатор из кармана и нажимая клавишу быстрого вызова. Кратко что-то сказав туда, он убрал его обратно в карман плаща, а вместо него на свет появилась пара матовых керамических пистолетов:

— Отойди к контейнерам и прижмись в углу! — скомандовал он и направился к выходу из ангара. Пнув ногой дверь, он спрятался на косяк, присев на одно колено. Выстрелов из темноты с улицы не последовало. Выждав несколько секунд, Фуон Фу кратко выглянул наружу и снова спрятался за косяк, пригнувшись почти к земле. Опять тишина.

— Джан? Чен? — громко позвал он, и снова передвинулся, чтобы не попасть под огонь возможного противника. Вместо ответа охранников на улице зацокали каблучки. Фуон Фу выпрямился и встал в полный рост. Держа оружие перед собой, он отступил в полутьму ангара, держа на прицеле входную дверь. Цоканье приблизилось и в дверь прошла девушка. Выглядела она живописно: В высоких сапожках, некогда белых, а теперь измазанных в грязи и запёкшейся крови, в порванных чулках и короткой мини-юбке, в буром от крови бюстгальтере, с длинной косой, бьющей её по ногам при ходьбе и с потёкшей тушью на лице толи от дождя, толи от слёз. Белая помада была смазана на скулы.

— Эклента? — Фуон Фу в это краткое слово сумел вложить все свои вопросы: «почему ты здесь?», «что с моими людьми?» и «зачем?».

— М, — Эклента пожала плечами. В правой руке у неё дымился обрез охотничьего двуствольного ружья, в левой стекал кровью короткий и кривой нож. Отбросив разряженное ружьё в сторону и заткнув нож между грудей за бюстгальтер остриём вверх, она показала несколько жестов руками.

— Сомневаюсь, что Кван послал тебя сюда, — ответил Фуон Фу. Эклента вновь что-то сказала на языке жестов.

— Я уже сообщил Квану по телефону, что у нас перестрелка,

так что не обольщайся. Эклента топнула ножкой и ожесточенно замолотила руками по воздуху.

— Даже если сюда на всех парах летят Вампиры, в чём я сомневаюсь, наши люди будут здесь раньше. И девчонку совсем не стоит убивать ради иллюзорной возможности, что Вампиры отобьют её раньше, чем захлопнется ловушка! — Фуон Фу, кажется, потерял терпение.

— Хм! — Эклента развела руки в стороны, а потом резко подпрыгнула в воздух и, сделав сальто, приземлилась перед помощником Квана. Двойной удар в ключицы оттолкнул Фуон Фу на пару шагов назад. Его пистолеты кратко полыхнули лазерными лучами, пропахав глубокие борозды в бетонном полу и отлетели в стороны. Фуон Фу и Эклента замерли друг перед другом. Мужчина скинул с себя плащ, оставшись в брюках и водолазке, поверх которой сидела пустая наплечная кобура, рассчитанная на два пистолета. Прошло несколько томительных секунд, а потом они одновременно атаковали друг друга. Нанося удары и блокируя удары противника, они закружили по пустому ангару в непонятном для Насти танце, смертельном танце. Дрались они долго, оба были на высоте, но Фуон Фу явно превосходил свою противницу по весу и технике. Эклента начала уставать. В одно мгновение Фуон Фу ударил Экленту в солнечное сплетение, пробив её блок, добавил в переносицу и подсёк ноги. С визгом любовница Квана упала на спину, ударившись головой об пол.

— Остановись, иначе мне придётся тебя убить! — потребовал Фуон Фу. Эклента кивнула, скривившись от боли. Потом она протянула ему руку.

— Вставай, — Фуон Фу наклонился к ней и подал руку, чтобы помочь встать.

Эклента тяжело ухватилась за неё правой рукой, и потянулась вверх, а левой резко рванула от груди заткнутый за тугой бюстгальтер нож, разрезав его лямку, отчего грудь колыхаясь вырвалась наружу, и всадила нож в живот Фуон Фу. Фуон Фу замер. Потом упал на Экленту.

Оттолкнув его в сторону, девушка, пошатываясь, встала на ноги и выдернула нож из тела помощника Квана. Потом она повернулась на Коммунистову, замершую у контейнеров.

— М? — улыбнулась Эклента разбитыми губами, делая шаг к девочке. Правая нога была вывихнута, разрезанный бюстгальтер висел на плечах, выставив на обозрение красивую грудь, юбка задралась в драке на пояс, переносица и левый глаз начали заплывать, но в руке покоился нож, ловя красные отсветы тусклой лампы под потолком.

— Hasta la vista, baby! — во лбу Экленты вспыхнула яркая

точка. Девушка замерла, выронив из ладони нож и упала на колени. Потом она завалилась набок. Настя обернулась на Славу. Тот сидел на полу у стены ангара и держал обеими лапами один из лазерных пистолетов Фуон Фу.

— Слава! — Настя бросилась к нему, подняла на руки, и начала целовать в мордочку.

— Эй-эй, дамочка! Потише ты! — Слава пытался отбиться лапами от Коммунистовой. — Ты лучше узкоглазого проверь и давай отсюда сваливать!

— Хорошо! — Настя опустила медвежонка на пол и рванула к Фуон Фу.

Упав перед ним на колени, она потрогала его рану, вывозившись в липкой крови. Потом, словно вспомнив, вцепилась в его запястье, ища пульс. Не найдя его, она прильнула ухом к его груди, окончательно перемазавшись в крови.

— Он не дышит! — крикнула она Славе. В это мгновение в дверях показалась фигура. Настя-Ленина не успела толком понять, кто это был, как автоматная очередь у улицы ударила ему в грудь, бросив внутрь ангара. На улице началась ожесточённая стрельба. Пригнувшись, Настя отбежала внутрь ангара к Славе. Схватив его на бегу, она буквально врезалась в ставшими родными железные контейнеры. Прильнув к ним, она подняла к лицу Славу:

— Миленький, Славочка, я устала! Слышишь, устала! Я не хочу больше! Ни-хо-чу! Сделай что-нибудь! Придумай! Ты же можешь! Сделай что-нибудь!

— Не ори! — закричал Слава, чтобы перекричать Настю и автоматные очереди.

— А что делать?

— Я не знаю!

— А я придумала! — Настя попыталась сунуть руку за пазуху, но рука дрожала и не слушалась. Тогда она просто порвала майку на себе, и дёрнула с шеи шнурок, на котором висел прямоугольник прессованного пластика.

— Даже и не думай! — запротестовал Слава.

— У меня нет выбора! — ответила Настя.

— Ты убьёшь нас, дура!

— Я и хочу это сделать! Славочка, позволь мне это сделать! Я умоляю тебя!

— Нет!

— Я не хочу чтобы меня ещё раз насиловали! Я не хочу этого! — Слёзы из глаз Насти текли не переставая. Медвежонок посмотрел на неё молча и кивнул:

— Включай.

— Спасибо, Славочка! Спасибо, миленький! — Настя дрожащей рукой приложила пластик к животу медвежонка.

— Активирую, — глухо ответил Слава. — У тебя пять минут. Больно не будет, будет просто взрыв. Не отпускай меня теперь ни за что. Прижми к себе.

— Хорошо! — Настя прижала Славу к себе. Мордочкой медвежонок попал как раз промеж её грудей, наполовину выпавших из разорванной майки.

— Блин, как мило, — устало проворчал он, смиряясь.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 1 мая 2058 года, 9:57PM

Наверное, Настя потеряла сознание. Ей вдруг почудилось, что в проёме двери ангара показался папа. Он был вооружён, а вместе с ним в ангар вбегали русские солдаты. Папа бросился к ней, взял на руки. Всё было как во сне. Все двигались медленно, даже папа. Звуки были далёкие и медленные, с трудом понимались голоса. Папа улыбался, что-то пытался говорить. Потом он увидел Славу, и вырвал его из рук Насти. Она пыталась сопротивляться, но папа был сильнее, он отобрал медвежонка. Достав что-то из кармана, он приложил это к его животику. Неужели папа отключил систему самоуничтожения? Зачем? Не надо! Нельзя! Неужели папа не понимает, что иначе плохие дяди доберутся до Насти и будут её обижать?! Папа! Не надо! Не надо! Папа! Настя окончательно потеряла сознание.

Гонконгская территория Земли, материковый Гонконг, к востоку от Каулун-сити, район Хунг Хом, берег пролива Виктории, 1 мая 2058 года, 9:59PM

Узурпаткомиссар военного комиссариата Российской территории Земли Прохор Пантелеевич Коммунистов сидел на бетонном полу, баюкая на руках свою дочь. Привалившись к его спине сидел медвежонок Слава, поигрывая огромным для него лазерным пистолетом. Вокруг ходили солдаты, слышались краткие команды на русском языке.

— Что, Прохор Пантелеевич, домой?

— Каникулы закончились, генерал, служба зовёт.

— С лёгкостью поменялся бы с вами местами, узурпаткомиссар. С лёгкостью.